

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

В. П. Федюк

**П. Н. Милюков
и русская историография
начала XX века**

Текст лекций

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета для студентов,
обучающихся по специальности История*

Ярославль 2010

УДК 94(47):930
ББК Т 3(2)612,01я73
Ф 35

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2009/10 года*

Рецензенты:

Н. Т. Ерегина, кандидат исторических наук, доцент Ярославской государственной медицинской академии;
кафедра отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

Ф 35 **Федюк, В. П. П. Н. Милюков и русская историография начала XX века: текст лекций / В. П. Федюк; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 63 с.**

ISBN 978-5-8397-0763-4

В публикуемых лекциях рассматриваются жизнь и творчество П. Н. Милюкова, одного из выдающихся представителей русской исторической науки начала XX в.

Издание предназначено для студентов, обучающихся по специальности 030401.65 История (дисциплина «История исторической науки. Историография», блок ОПД), очной формы обучения.

УДК 94(47):930
ББК Т 3(2)612,01я73

ISBN 978-5-8397-0763-4 © Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2010

Лекция 1. Формирование научных взглядов П. Н. Милюкова

1.1. Детство и юность

Павел Николаевич Милюков родился в Москве 27 января* 1859 года. Согласно семейному преданию, Милюковы происходили из тверских дворян, но документов, подтверждающих это, не сохранилось. Отец будущего историка, Николай Павлович, по профессии был архитектором, однако заметных успехов в этом качестве не достиг. Долгое время он преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а затем удачно получил место городского архитектора. Вершиной его карьеры стала должность оценщика в одном из московских банков. Человеком Николай Павлович был тихим и неконфликтным, навсегда смирившимся с ролью неудачника.

Мать Милюкова – Мария Аркадьевна, урожденная Султанова, – была личностью совсем иного склада. Она гордилась своим происхождением из столбовых дворян и манерой поведения напоминала властную помещицу эпохи расцвета крепостного права. Ей действительно принадлежало небольшое имение в Ярославской губернии, откуда время от времени в Москву приезжали крестьяне, привозившие «барыне» нехитрые деревенские продукты.

По словам Милюкова, Мария Аркадьевна была «женщина страстная и властная. В семье она играла первую роль. Отец, более мягкого характера и менее яркой индивидуальности, как-то перед нею стушевывался и ей подчинялся»¹. Несходство характеров родителей Милюкова постоянно провоцировало семейные скандалы. Много лет спустя Милюков вспоминал одну из таких сцен. «Мы сидим за ужином в слабо освещенной керосиновой лампой комнате. Между отцом и матерью ведется крупный разговор, для нас непонятный, и кончается тем, что в отца летит

* Здесь и далее все даты до 15 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю (юлианскому календарю). В XIX в. он отставал от ныне принятого григорианского календаря на 12 дней, в XX в. это отставание увеличилось до 13 дней.

тарелка и разбивается о противоположную стену. Мы сидим – ни живы ни мертвы – и потихоньку хныкаем»².

Николай Павлович старался проводить дома как можно меньше времени и фактически не обращал внимания на детей. Мария Аркадьевна следила за тем, чтобы дети были накормлены и одеты, но на этом ее забота, как правило, и кончалась. В результате Павел и его младший брат Алексей были по большей части предоставлены сами себе. Но особой потребности в родительской ласке они и не испытывали. Наоборот – свобода давала им возможность проводить время так, как они хотели. Раннее детство запомнилось Милюкову как самое радостное и безоблачное время в его жизни.

Когда пришла пора, братья Милюковы (разница в возрасте у них была всего лишь один год) были зачислены в 1-ю Московскую гимназию. Из ее стен ранее вышли такие знаменитые историки, как М. П. Погодин и С. М. Соловьев, чьи имена были высечены на «золотой доске» в гимназическом актовом зале. В младших классах Павел Милюков особым вниманием к учебе не отличался. Этому мешала живость характера, за которую он заслужил у одноклассников прозвище «кенгуру». К тому же сама система среднего образования переживала в ту пору не лучшие дни.

Гимназические годы Милюкова пришлись на время реформы, осуществленной министром народного просвещения графом Д. А. Толстым. Суть ее состояла в переносе центра тяжести на преподавание классических языков. Уже с первого класса гимназисты по два часа в день учили латынь, а с третьего класса в таком же объеме присоединялся греческий. При этом живые языки, история, литература отодвигались на второй план, а естественные и точные науки практически исключались из учебной программы.

По словам Милюкова, на уроках истории учитель добросовестно пересказывал гимназистам содержание учебника, а в качестве домашнего задания заставлял выучить «от сих до сих» соответствующий раздел. «Добросовестно мы зубрили, что "история мидян неизвестна", что Аристид сказал Фемистоклу "Бей, но выслушай" и что трава не росла там, где ступал конь Атиллы. Новая история ограничивалась хронологией битв и государей, а новейшая совершенно исчезала».

Уже после того, как Милюков закончил гимназию, на сценах Москвы и Петербурга была поставлена оперетта «Иванов Павел», главным героем которой был гимназист, оставленный на третий год. Публика принимала ее «на ура», поскольку показанное на сцене было хорошо знакомо большинству сидевших в зале. Учитель истории в оперетте заставляет гимназистов зубрить глупые и ненужные факты.

И в конце какого века
Был основан город Мекка?
И какие папиросы
Курил Фридрих Барбаросса?

Милюкову пришлось столкнуться практически с тем же самым. «Цель была достигнута: полнейшее равнодушие у большинства, отвращение у лучших учеников к тому, что здесь называлось историей»³. Сложно было представить, что после такого кто-то из гимназистов был способен сохранить интерес к предмету.

Но Милюков в ту пору и не собирался связывать свою жизнь с исторической наукой. Как ни странно, его особенно привлекали древние языки, вызывавшие скуку и отвращение у большинства его сверстников. В этом отношении Милюкову повезло – преподаватель греческого языка в 1-й гимназии П. А. Каленов был человеком искренне увлеченным и умел заразить учеников своим увлечением. Он не только объяснял им правила грамматики, но рассказывал о древнегреческой литературе и философии, разбирал на занятиях трагедии Софокла и диалоги Платона.

Милюкова это увлекло надолго. Интересный факт – даже свои юношеские дневники, главной темой которых были знакомые барышни, он, в целях конспирации, вел на древнегреческом. На книжных развалах Милюков выискивал издания греческих и римских классиков. Постепенно у него собралась богатая библиотека. Еще одна показательная деталь – в гимназические годы Милюков самостоятельно одолел всех корифеев античной литературы, но остался равнодушен к историкам. Если бы его спросили в ту пору, кем он хочет стать, он ответил бы: филологом. Назвать себя будущим историком ему бы и в голову не пришло.

Позднее сам Милюков с иронией вспоминал о своем «классицизме». Но влечение к античным древностям не прошло для него бесследно. В воспоминаниях он писал: «древний мир послужил для меня незаменимой опорной точкой, откуда радиусы пошли в разнообразных направлениях»⁴. Заинтересовавшись греческой философией, Милюков прочитал университетский учебник по истории философии. Затем пришел черед Гегеля, Вольтера, а в последних классах гимназии дело дошло до новейших по тем временам авторов – Г. Спенсера и О. Конта. Русские переводы трудов европейских философов выходили с большим опозданием, и потому Милюкову пришлось налечь на немецкий и французский. Эти языки в гимназии изучались с первого класса, а вот английский Милюков выучил уже по собственному желанию, используя в качестве пособия сентиментальный роман Шарлотты Бронте «Джен Эйр».

Помимо книг, у Милюкова было другое увлечение – музыка. Еще в младших классах он упросил отца купить ему скрипку и нанять учителя. Все шло хорошо, но вмешался случай. Как-то на гимназической перемене Милюков повредил указательный палец левой руки. О карьере профессионального исполнителя пришлось забыть, но тяга к музыке осталась. Даже много лет спустя, принимая дома гостей, Милюков нередко доставал бережно хранимый инструмент.

Несомненно, что уже в гимназические годы Милюкова отличали талант и широкий кругозор. Но по тем временам пятнадцатилетний подросток, читающий серьезные философские труды, не представлял собой из ряда вон выходящее явление. За отсутствием других источников информации, книги были главным, что формировало личность российского интеллигента. Это влекло за собой как положительные, так и отрицательные последствия. Самым тяжелым испытанием было осознание того, что жизнь, описанная в книгах, очень отличается от жизни реальной. Младший современник Милюкова поэт А. М. Гликберг (более известный как Саша Черный) в этой связи писал:

В книгах – гений Соловьевых,
Гейне, Гете и Золя.
А вокруг – от Ивановых
Содрогается земля.

Для Милюкова этот этап пришелся на последние классы гимназии. Вместе с товарищами он создал что-то вроде кружка, участники которого собирались попеременно друг у друга, чтобы обсудить доклад на какую-то волнующую всех тему. Чаще всего эти доклады касались различных аспектов общественной жизни. Это вполне объяснимо – на дворе стояли 70-е годы XIX в., время, когда в среде революционной молодежи необыкновенно быстро распространялись революционные настроения.

В 1876 г. в Москве произошло событие, о котором еще долго говорил весь город. Около здания университета на Моховой студенты попытались устроить сходку, но были разогнаны и избиты, причем не полицией, а торговцами-охотнорядцами. Для Милюкова и его товарищей это стало неприятным открытием: ведь торговцы и приказчики с Охотного ряда – это «народ», а студенты – борцы за народное счастье. Не в силах разобраться с этим самостоятельно, члены кружка отправили письмо Ф. М. Достоевскому.

На удивление, Достоевский ответил. Он писал, что русская интеллигенция много говорит о народе, но не понимает его. «Наши сентименталисты, освобождая народ от крепостного состояния, с умилением думали, что он сейчас так и войдет в их европейскую ложь, в просвещение, как они называли. Но народ оказался самостоятельным и, главное, начинает сознательно понимать ложь верхнего слоя русской жизни... Чтобы пойти к народу и остаться с ним, надо прежде всего разучиться презирать его, а это почти невозможно верхнему слою нашего общества...»⁵.

Ответ Достоевского оказался совсем не таким, какого ждали Милюков с товарищами. Достоевский клеймил интеллигенцию, крайне резко отзывался о свойственной ей манере подражать всему европейскому. Милюков вспоминал: «Мы не вполне разбирались в тогдашней борьбе западничества и славянофильства, но это резкое противопоставление народа Европе нас тем более поразило... Не могу сказать, что у меня тогда была уже наготове ответная формула: Россия есть тоже Европа. Но все мысли шли в этом направлении»⁶. Так фор-

мировалась жизненная позиция Милюкова, ставшая позже основой его понимания истории.

В 1877 г. Милюков закончил гимназию. В эти дни все внимание было приковано к Балканам, где начинались военные действия между Россией и Турцией. Война на какое-то время сплотила русское общество. Фактически все его составляющие – от либералов до консерваторов – сходились в поддержке идеи освобождения балканских славян. Небывалый патриотический подъем охватил страну. Вчерашние гимназисты тоже не могли остаться в стороне.

Милюков и еще несколько его гимназических товарищей сумели устроиться в санитарный отряд, организованный на средства московского дворянства. Вопреки их ожиданию, отряд был направлен не на Балканы, а на Кавказ, где тоже шли бои с турками. Впрочем, сам Милюков все время пребывания в отряде провел далеко от передовой. Действительность оказалась не столь романтической, как ее представляли восемнадцатилетние добровольцы. Милюкову пришлось стать чем-то вроде завхоза – торговаться с подрядчиками, заботиться о том, чтобы на кухне было продовольствие, в палатах чистое белье.

Зато работа оставляла много свободного времени, которое Милюков привычно посвящал чтению. В это время ему в руки попала знаменитая книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», наделавшая много шума несколькими годами ранее. Политические взгляды Данилевского, проповедовавшего неизбежность противостояния России и Европы, не могли понравиться Милюкову. Зато его поразила основная методологическая идея книги. Данилевский предлагал отказаться от универсализма в оценке истории разных стран. По его мнению, не существует единой истории человечества, а есть циклы развития отдельных цивилизаций («культурно-исторических типов»). Каждая из них переживает периоды зарождения, расцвета и увядания, причем у разных цивилизаций происходит это в разное время.

Напомним, что по появления трудов О. Шпенглера и А. Тойнби, сделавших цивилизационный подход общепринятым, оставалось как минимум сорок лет. Для своего времени

идеи Данилевского были по-настоящему революционны, и не случайно, что на Милюкова они повлияли сильнейшим образом. Проявится это влияние очень скоро.

1.2. Университет

Осенью 1877 г. Милюков вернулся в Москву, чтобы приступить к занятиям в университете. До революции в российских университетах традиционно существовало четыре факультета: юридический, историко-филологический, естественнонаучный и медицинский. Историко-филологический был самым малочисленным и готовил прежде всего будущих учителей гимназии.

Первые впечатления от пребывания в университетских стенах принесли Милюкову разочарование. Вообще в характере Милюкова было очень критичное отношение к окружающим, при полном отсутствии аналогичного качества по отношению к себе самому. Сейчас же к этому примешивался юношеский максимализм. Лекции большинства университетских профессоров показались Милюкову скучными и безнадежно устаревшими содержательно. Единственным исключением были занятия по сравнительному языкознанию. Милюкова этот предмет привлекал тем, что пользовался репутацией «самой точной из наук, после математики». Это должно было служить некой гарантией против субъективизма, свойственного наукам гуманитарными, прежде всего истории.

К истории в ту пору Милюков особых симпатий не питал. Одной из причин было то, что в университете попросту не было преподавателей, способных увлечь студентов. Всеобщую историю читал В. И. Герье. Когда-то это был ученый самого высокого уровня. Он первым не побоялся разработать курс по истории Великой французской революции и опубликовал несколько книг на эту тему. Заслугой Герье было создание в Москве Высших женских курсов – первого высшего учебного заведения для девушек.

Но к тому времени, когда университетский порог переступил Милюков, Герье уже перевалило за шестьдесят. «Сухой и длинный, с вытянутым строением нижней части лица, производившей впечатление лошадиной челюсти, с пергаментной, морщинистой

кожей, всегда застегнутый на все пуговицы, с неподвижным, каким-то стеклянным выражением глаз, с тонкими губами, иногда растягивавшимися в пренебрежительно-насмешливую улыбку, он как будто боялся уронить свое достоинство и отделял от себя слушателей непрístupной чертой»⁷.

Милюков с юности был о себе крайне высокого мнения, а Герье «точно задался целью прежде всего унижить нас, доказав нам самим, что мы дураки и невежды». Может быть, так оно и было – некоторые преподаватели практикуют подобный прием, не самый удачный с педагогической точки зрения. Может быть, в этой оценке проявилось затронутое самолюбие юного студента, так или иначе, у Герье Милюков мало чему научился.

Другой крупнейшей фигурой среди профессоров Московского университета был С. М. Соловьев. Однако и он на Милюкова особого впечатления не произвел. Соловьев читал на старших курсах, но Милюков как-то сумел попасть на его лекцию. «Профессор импровизировал, очень обобщая факты. Он говорил утомленным голосом о "жидком элементе" в русской истории. В который раз ему приходилось выжимать смысл из 28 томов его "Истории"*! Но "жидкие элементы" проходили отвлеченными призраками и внимания слушателей не задерживали»⁸.

Под «жидким элементом» в данном случае имеется в виду тезис Соловьева об отсутствии у древних славян привычки к укоренению на земле. По мнению Соловьева, в дальнейшем это оказало решающее влияние на судьбу страны и выработку национального характера русского народа. Иными словами, Соловьев одним из первых в русской исторической науке поднял вопрос о влиянии географической среды на историю народов. Позднее для Милюкова это положение станет базовым в его исследованиях.

Возможно, принять заслуги Герье и Соловьева Милюкову мешала слишком большая возрастная разница между ним самим и старшим поколением профессуры. С преподавателями сравнительно молодыми ему легче удавалось наладить контакт. Ближе

* В «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в реальности 29 томов.

всего Милюков сошелся с учеником Герье П. Г. Виноградовым. Тот как раз только что вернулся из-за границы, где собирал материалы для своей диссертации о раннем итальянском Средневековье.

Виноградов был старше Милюкова всего на пять лет. К тому же Милюкова сразу привлекло умение Виноградова вовлекать студентов в процесс работы с историческим источником. «Это был кусок настоящей научной работы. Так он ставил нас сразу на собственные ноги в избранной им области. И мы сами чувствовали, что растем, и не могли не испытывать величайшего удовлетворения, а к виновнику его – глубочайшей благодарности»⁹.

Сложнее складывались у Милюкова отношения с другим молодым ученым – В. О. Ключевским. Курс, на котором учился Милюков, стал первым, кому Ключевский читал лекции в качестве университетского преподавателя. Слава Ключевского была еще впереди, но уже тогда в полной мере проявились ее предпосылки – уникальное сочетание таланта исследователя и лекторского мастерства. Десятки слушателей Ключевского оставили восторженные воспоминания о встречах с ним.

Один из учеников Ключевского, будущий академик М. М. Богословский, так описывал манеру своего учителя: «С первых же слов, самыми звуками своего не сильного, но чрезвычайно мягкого, подвижного, богатого модуляциями, свободно владевшего высокими и низкими нотами, необыкновенно приятного голоса он уже завоевывал внимание слушателей, превращал их, если можно так выразиться, в слух. Искусно маскируя свой прием, он всегда читал лекцию по лежавшему перед ним тексту, но читал с художественной выразительностью, интонациями и даже самой игрой лица изображая читаемое, мастерски разыгрывая содержание лекции. И, благодаря этому, его лекции неизгладимо врезывались в память»¹⁰.

Однако, как ни странно, у Милюкова манера Ключевского вызывала раздражение. Он признавал за ним остроумие, отточенность фраз, умение заворочить аудиторию. Но в упрек Ключевскому Милюков ставил нежелание или неумение довести до слушателей логику своих рассуждений. «Ключевский вычитывал смысл русской истории, так сказать, внутренним глазом,

сам переживая психологию прошлого... Он его оживлял своим прожектором и сам говорил, что материал надо спрашивать, чтобы он давал ответы, и эти ответы надо уметь предрешить, чтобы иметь возможность их проверить исследованием. Этого рода "интуиция" нам была недоступна и идти по следам профессора мы не могли»¹¹.

Помимо лекций, Ключевский вел на курсе Милюкова практический семинар по «Русской правде». Занятия проходили в неофициальной обстановке на квартире Ключевского. После их окончания студенты не спешили расходиться. Жена Ключевского, Анисья Михайловна, приносила чай, и начинался разговор на самые разные темы, включая острые вопросы общественной жизни. Ключевский «отделялся шутками, сыпал парадоксами, с которыми согласиться было трудно, а не согласиться неделикатно – и так проходил вечер – вероятно, к большому неудовольствию профессора»¹².

Слова Милюкова о Ключевском меньше всего можно считать объективной оценкой. Свою роль в этом сыграл и позднейший конфликт вокруг магистерской диссертации Милюкова и то обстоятельство, что сам Милюков отличался завышенным самомнением при крайней нетерпимости к любого рода критике. Эти свойства характера мешали ему назвать Ключевского своим учителем, между тем дела обстояли именно так. Именно Ключевский своим пониманием истории сформировал Милюкова-исследователя.

Во второй половине XIX в. отношение к истории существенно изменилось по сравнению с предыдущим периодом. Если раньше историк сохранял многое от летописца, то теперь история все явственнее обретала черты науки. Милюков вспоминал: «гимназическое преподавание нас достаточно отучило считать генеалогии государей, даты их царствований, побед и поражений в войнах и т. д. за настоящую историю». Новое поколение искало некую «формулу истории», способную вывести ее на уровень точных и естественных наук. Отсюда следовал перенос внимания на те сферы человеческой деятельности, которые доступны объективному анализу. В первую очередь таковой была экономика. Экономический материализм был в моде, чему способствовало распространение в России трудов К. Маркса.

Первым из крупных русских историков, кто начал разрабатывать эту тематику, как раз и был Ключевский. Его работы «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» (1867) и «Русский рубль XVI–XVII вв. в его отношении к нынешнему» (1884) могут считаться классическими исследованиями в этой области. Не случайно из круга учеников Ключевского вышли наиболее заметные марксистские историки, такие как М. Н. Покровский. К этой среде принадлежал и Милюков. Как бы он ни хотел дистанцироваться от того же Покровского, они вышли из одной «шинели».

1.3. На старших курсах

Зимой 1879 г., когда Милюков учился на втором курсе, умер его отец – Николай Павлович. «Ни на мать, ни на меня, – позже вспоминал Милюков, – эта смерть не произвела сильного впечатления: так далеки мы были от отца – или он от нас»¹³. Единственной, правда весьма серьезной, проблемой стало резкое сокращение доходов семьи. Милюков и раньше прирабатывал уроками (так поступали практически все студенты и даже гимназисты-старшеклассники). Но с окончанием гимназических занятий этот источник пропадал. Чтобы сохранить заработок, Милюков на все лето нанялся репетитором к детям товарища министра внутренних дел Н. В. Левашова. Его жена – урожденная княжна Долгорукая – проводила летние месяцы в подмосковном имении своей матери.

Место Милюков получил по большому знакомству. Деньги оно сулило хорошие, но за это приходилось терпеть тяжелый характер престарелой хозяйки имения – вдовы бывшего министра юстиции при Александре I. Как-то во время завтрака (а гувернеры и учителя завтракали вместе с хозяевами) Милюков развернул свежую газету. Увидев это, княгиня закричала, что никто в доме не имеет права читать газеты раньше нее. После этого Милюков заявил, что отныне будет завтракать и обедать исключительно в своей комнате, угрожая в противном случае немедленно уволиться. Как ни странно, на этом все и закончилось, а требование Милюкова было по умолчанию выполнено.

Занятия с детьми Левашова оставляли достаточно свободного времени, которое Милюков посвящал работе с книгами. Он ре-

шил попробовать обобщить полученные в университете знания и составить что-то вроде своей концепции философии истории. За основу он взял теорию «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского. Напомним, что, согласно Данилевскому, каждая цивилизация переживает стадии рождения, расцвета и гибели. Милюков принял это трехчастное деление, но попытался по-своему обосновать его. Здесь ему на помощь пришел знаменитый французский психолог Т. Рибо, книгу которого Милюков прихватил с собой из Москвы.

Рибо трактовал человеческую психику как сочетание воли, чувства и мыслей. В личности каждого человека, согласно взглядам Рибо, присутствуют все три компонента, но в разных пропорциях, что и определяет человеческую индивидуальность. Милюков же попытался привязать это к стадиям развития человечества. По его мнению, на ранней стадии, в эпоху дикости, преобладало волевое начало, так как человек должен был немедленно и не думая реагировать на внешнюю опасность. Со временем животные инстинкты начинают сдерживаться чувством. Этот период европейская цивилизация пережила во времена Античности и Средневековья. Наконец, к чувству добавляется мысль. Цивилизация становится менее пассионарной, склонной к созерцательности, и отпущенный ей век катится к закату.

Построенная Милюковым конструкция была искусственной от начала и до конца. Все, начиная от трехчастного деления, было результатом исключительно умозрительных построений. Это была естественная для начинающего исследователя попытка выйти на уровень высокого обобщения, но – не более того. Сам Милюков больше никогда к этой схеме не возвращался.

В тогдашних российских университетах студенты обучались четыре года и третьекурсник причислялся уже к старшим – истинным хозяевам факультета. Он получал допуск к общественной жизни, которая в университетских стенах бурлила и кипела. Конец 1870-х гг. был в России отмечен высоким уровнем политической активности. Это был период расцвета деятельности «Народной воли», и идеи народничества распространялись далеко за пределы подпольных кружков.

Особенно явственно новые настроения проявили себя в студенческой среде. Университетские власти признавали это и потому закрывали глаза на деятельность землячеств, касс взаимопомощи и других организаций, формально законом не разрешенных. Речь зашла даже о создании университетского «парламента», в составе которого студенты принимали бы полноправное участие в обсуждении важнейших вопросов. В качестве первого шага в этом направлении в университете был создан студенческий суд, председателем которого был избран Милюков.

Однако к обязанностям в новой должности ему фактически приступить не пришлось. 1 марта 1881 г. революционерами-народовольцами был убит Александр II. Реакцией на это стало немедленное «закручивание гаек». Студенты, привыкшие к попустительству со стороны начальства, еще пытались поднимать голос, но им быстро было указано, что времена изменились. В истории, которая была с этим связана, Милюков оказался замешан самым прямым образом.

По словам Милюкова, дело обстояло так. На студенческой сходке 7 марта 1881 г. часть собравшихся затеяла подписку для сбора средств на венок убитому императору. По кругу пустили шапку, но кто-то вместо денег бросил в нее пуговицу. Один из свидетелей этого – студент Зайончковский – сообщил о произошедшем начальству. Тогда другие студенты потребовали предать Зайончковского суду. От Милюкова, как председателя, требовали решения об исключении доносчика. Но Милюков, не желая обострять ситуацию, предпочел принять более мягкое решение.

Милюков писал свои мемуары более чем через полвека после описываемых событий, и не удивительно, что, верно передав суть, он позабыл многие детали. На самом деле все было немного по-другому. Инициатором подписки на венок как раз и был сам Зайончковский. Поскольку многие из собравшихся высказались против, Зайончковский и его сторонники решили завести отдельный список тех, кто отказывался вносить деньги. Это грозило весьма неприятными последствиями, и один из участников сходки – студент Смирнов – на глазах у всех разорвал оба списка. Об этом стало известно, и Смирнов был исключен из университета¹⁴.

Сообщил ли о поступке Смирнова Зайончковский или кто-то другой – неизвестно, но виновным был объявлен именно он. На новой сходке, состоявшейся 10 марта, Зайончковского обвинили в предательстве и лишили права участвовать в студенческих собраниях. Собравшиеся на сходку еще не понимали, что и самим собраниям скоро придет конец.

Пока же пьянящее чувство вседозволенности заставляло радикально настроенную часть студенчества идти на дальнейшее обострение отношений с начальством. В конце марта был уволен в отставку либеральный министр просвещения А. А. Сабуров. Его преемник, барон А. П. Николаи, одним из первых распоряжений запретил любые собрания в университетских стенах. Несмотря на это, в Московском университете 1 апреля 1881 г. была созвана новая сходка. Предсказать поведение властей и полиции в такой ситуации было несложно. Милюков предполагал, что сходка будет разогнана, но счел необходимым прийти, чтобы убедить собравшихся разойтись.

Трудно сказать, насколько серьезно он рассчитывал повлиять на ситуацию, но даже выступить ему не удалось. В разгар сходки появились жандармы и под конвоем отвели ее участников в Бутырскую тюрьму. Для большинства задержанных это было первое столкновение с полицией. По этой причине случившееся было воспринято ими без страха, скорее как забавное приключение. Милюков вспоминал: «Ночь прошла очень весело: даже появился самодельный сатирический листок. Политические речи продолжались, но уже никого не интересовали. Кое-кто расположился спать... успевшие закупить по дороге продукты принялись ужинать»¹⁵. Наутро участников сходки переписали и выпустили по домам.

Однако дело было не закончено. В последующие дни 37 организаторов сходки были арестованы и на этот раз преданы суду. Более сотни студентов были исключены из университета. Среди них оказался и Милюков. Кандидатов на отчисление вызывали лично к ректору, который и решал, как поступить в конкретном случае. Ректором Московского университета в это время был Н. С. Тихонравов, известный специалист по истории

русской литературы. Он лично знал Милюкова как талантливого студента и был благожелательно настроен по отношению к нему.

Позже Милюков описал свою беседу с Тихонравовым так: «Он встретил меня вопросом: вы, конечно, не знали, для чего собирается сходка? Я ответил: к сожалению, должен признаться, что знал и шел на это сознательно. Он посмотрел на меня с удивлением, помолчал, потом предложил тот же вопрос в другой форме. Волнуясь, я отвечал то же. Он повернулся и ушел»¹⁶. В итоге Милюков был исключен из университета, но с разрешением восстановиться осенью на тот же курс. Таким образом, политическое «крещение» обошлось для Милюкова минимальными последствиями. Вероятно, и сам Милюков не сознавал того, как это повлияет на его будущую жизнь. Тем не менее именно с этой поры перед Милюковым встал выбор – академическая карьера или непредсказуемая судьба общественного деятеля.

Исключение из университета особенно не удручило Милюкова. Для него это был дополнительный отпуск, который он решил посвятить вояжу за границу. У младшего брата Милюкова был приятель, некто Кречетов, который собрался в Италию и искал попутчика, способного выполнять роль гида. Милюкова с его огромным самомнением положение приживалы при взбалмошном богаче устраивало меньше всего. Он предложил свой вариант: Кречетов дает ему займы три тысячи рублей на три месяца, а Милюков по мере сил помогает ему во время путешествия. Забегая вперед, скажем, что долг Милюков сумел отдать только через семь лет, и то лишь продав родительскую дачу¹⁷.

Поездка в Италию заняла три месяца и стала одним из самых ярких событий в жизни Милюкова. Он объездил всю страну, посетил десятки музеев и художественных собраний. Как правило, приходил он к открытию, а уходил самым последним. В одном из музеев Рима с ним даже случилась курьезная история: сторожа заперли его в помещении и Милюкову пришлось звать в окно случайных прохожих, чтобы освободиться.

Осенью 1881 г. Милюков восстановился на последнем, четвертом, курсе. Большую часть курсов он уже прослушал годом ранее и потому особой старательности в учебе не проявлял. Это едва не стало для его проблемой во время выпускных испытаний.

Милюков внезапно понял, что серьезно запустил свои дела, и только бессонные ночи накануне экзаменов не позволили ему ударить лицом в грязь.

Еще больше забот у Милюкова вызывал вопрос о перспективах дальнейшего занятия наукой. Аспирантуры в её нынешнем виде тогда не существовало, но имела место практика прикрепления наиболее талантливых выпускников к кафедрам, как это официально называлось, «для подготовки к профессорскому званию». Время такой подготовки было неопределенным, и в течение его претендент на профессорскую мантию был обязан сдать экзамены по основным профессиональным дисциплинам, а также подготовить и защитить магистерскую диссертацию (аналог нынешней кандидатской).

Милюков давно избрал для себя именно этот путь, однако в его реализации возникли сложности. В студенческие годы Милюков больше внимания уделял истории зарубежных стран, но сферой своих будущих научных интересов он видел прежде всего историю России. Сам он объяснял это так: «Моим главным мотивом при этом выборе было то, что работать в России по истории иностранных государств значило "таскать воду в колодезь", тем более, что диссертации на ученую степень писались по-русски и до иностранцев не доходили... Напротив, русская история, плохо разработанная и нуждавшаяся в работниках, только и могла изучаться русским по месту нахождения источников»¹⁸. Можно сказать, что Милюков сам выбрал руководителем своей будущей диссертации Ключевского. Для Ключевского же это стало полной неожиданностью. В какой-то мере он даже почувствовал себя уязвленным тем, что некий студент решил его судьбу, даже не поставив его самого в известность.

Ключевский дал понять университетскому начальству, что совсем не испытывает энтузиазма по поводу руководства будущей диссертацией Милюкова. Однако подготовка учеников была обязательным условием получения профессорского звания, и Ключевский, только что получивший докторскую степень, был вынужден согласиться. Это первое столкновение не сделало Ключевского и Милюкова врагами, но обусловило более чем прохладные отношения между учителем и учеником.

Лекция 2. Основные исторические труды П. Н. Милюкова

2.1. Диссертация

Окончание учебы поставило перед Милюковым много проблем. «Подготовка к профессорскому званию» не предполагала выплаты стипендии, и потому Милюкову пришлось озаботиться приисканием заработка. Для выпускника историко-филологического факультета единственной возможностью в этом отношении было преподавание. По рекомендации старших товарищей Милюков получил место учителя истории в 4-й женской гимназии, где он впоследствии проработал более десяти лет, даже начав читать лекции в университете. Одновременно с гимназией Милюков вел уроки истории в Земледельческом училище и некоторых других средних учебных заведениях Москвы.

Вчерашнему студенту занятия с гимназистами давались легко. Свою роль в этом играла и возрастная близость, и умение Милюкова увлечь слушателей своими знаниями. По словам Милюкова, он старался обращать главное внимание «не столько на биографии лиц, сколько на схемы исторических процессов». По тем временам это было необычно, почти революционно и уже этим привлекало аудиторию.

На это же время пришлось и серьезные изменения в личной жизни Милюкова. Посещая дом Ключевского, он встретил здесь Анну Сергеевну Смирнову. Она только что закончила Высшие женские курсы, где тоже специализировалась по истории. Ключевский был для нее не только учителем, но и старым другом семьи. Дело в том, что отец Анны Сергеевны, протоиерей Сергей Константинович Смирнов, был ректором духовной академии в Троице-Сергиевой лавре, где Ключевский преподавал вот уже почти двадцать лет. Милюков вспоминал: «Я познакомился с Анной Сергеевной у Ключевского как со своего рода коллегой по занятиям русской историей, этой теме и были посвящены наши первые разговоры»¹⁹. Однако постепенно товарищеское общение переросло в нечто большее. Милюков и его невеста тщательно скрывали свои отношения, и даже родители были поставлены в

известность о будущей свадьбе лишь тогда, когда все было окончательно решено.

Мать Милюкова – Мария Аркадьевна – приняла невестку в штыки. После нескольких месяцев непрекращающихся домашних скандалов молодые переселились на съемную квартиру – в полуподвальные комнаты на одной из улиц близ Зубовского бульвара. Бытовых проблем это принесло много, но юная пара не падала духом. Зато, как ни странно, свадьба Милюкова на время улучшила его отношения с Ключевским. Как муж дочери старого друга, Милюков теперь был принят в доме Ключевского в любое время.

Однако ни работа, ни личная жизнь не могли оторвать Милюкова от самого главного – подготовки диссертации. Первым шагом на этом пути должны были стать магистерские экзамены. Форма их была довольно необычна. Милюков должен был подготовить и защитить 12 самостоятельных работ по различным сюжетам русской истории. Помимо этого, он должен был сдать дополнительные экзамены по всеобщей истории и политической экономии. Не удивительно, что весь процесс занял у него три года, что считалось совсем непродолжительным сроком.

Наконец настала пора выбора темы диссертации. Милюкова в это время особенно привлекала история XVIII в., в частности петровских преобразований. Позднее он так писал об этом: «Мой тезис был, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды»²⁰. Принципиально новой саму эту мысль назвать было сложно. Уже С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» писал о том, что Петровские реформы стали насущной необходимостью задолго до появления на исторической арене самого Петра. «Русская земля всколебалась и замутилась, русский народ после осьмивекового движения на восток круто начал поворачивать на запад; поворота, нового пути для народной жизни, требовало банкротство экономическое и нравственное»²¹. Этой же точки зрения придерживался и ученик Соловьева Ключевский.

Однако взгляды Ключевского и Милюкова на Петровские реформы, при внешней схожести, не были абсолютно тождественны. Ключевский признавал неизбежность преобразований, но при этом решающую роль отводил субъективному фактору – личности самого Петра. «Реформа, как она была исполнена Петром, была его личным делом, делом беспримерно насильственным и однако произвольным и необходимым»²². Милюков же полагал, что ход русской истории был обусловлен действием универсальных законов общественного развития при минимальном участии личностных обстоятельств. Чтобы доказать это, нужно было как можно дальше дистанцироваться от фигуры Петра. Самым удобным способом сделать это был выбор в качестве предмета исследования истории экономики и финансов.

Своими планами Милюков в первую очередь поделился с научным руководителем. Однако Ключевский не высказал по этому поводу ни малейшего энтузиазма: «Вы бы лучше взяли и разработали грамоты какого-нибудь из северных монастырей. Это было бы гораздо короче – и послужило бы для магистерской диссертации, а эту свою работу вы бы лучше отложили для докторской диссертации»²³. Позиция Ключевского объяснялась тем, что он попросту не верил в способности своего ученика. Но надо было знать гипертрофированное самолюбие Милюкова, чтобы понять – сомнения Ключевского только подстегнут его. Сам Милюков вспоминал об этом так: «Я не сомневался, что меня хватит на сколько угодно диссертаций, но я готовил вклад в науку, открывал новые пути – и вдруг, вместо того, мне предлагают ворох монастырских грамот и тощую книжонку в результате!»²⁴. С этой поры Милюков фактически перестал ставить Ключевского в известность о своей работе. Оставаясь формально учеником и учителем, они все больше отдалялись друг от друга.

Работа над магистерской диссертацией заняла у Милюкова шесть лет. Даже по тем временам, когда над соискателем не довели никакие формальные сроки, это было очень долго. Объяснялось это тем, что Милюкову по большей части приходилось выступать в роли первопроходца. Избранная им тема была абсолютно не изучена, а необходимые для ее раскрытия документы пылились в архивах, никем дотоле не востребованные. Еще

одной проблемой было то, что архивы эти находились не в Москве, а в Петербурге. Просто так уехать в Петербург Милюков не мог – мешала работа. Свободными оставались только летние месяцы, когда гимназисты уходили на каникулы. В итоге несколько летних сезонов подряд Милюков вместо отдыха просидел в стенах петербургских архивов.

Длительные выезды в Петербург позволили Милюкову иметь там новых друзей. Дело в том, что историки двух российских столиц общались мало и даже рассматривали друг друга как конкурентов. Уже тогда можно было говорить о существовании обособленных «петербургской» и «московской» исторических школ. В Петербурге, где главным корифеем был профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, сильно чувствовалось влияние позитивизма. Петербургские историки предпочитали обобщающим исследованиям труды по частным вопросам, прежде всего источниковедческого характера. При этом они сознательно уходили от изучения относительно близких по времени эпох, опасаясь в этом случае влияния политической конъюнктуры. В Москве же со времен Соловьева и Ключевского исследователи тяготели к проблемам, связанным с экономикой, общественной жизнью, историей государственных учреждений. Представителей «московской школы» XIX и XVIII века привлекали куда больше, чем глубокая древность.

Первоначально петербургские историки встретили Милюкова настороженно, едва ли не как лазутчика из «вражеского стана». Но потом атмосфера разрядилась. Большинство петербургских коллег Милюкова были его ровесниками, что облегчало им общение. Особенно тесно Милюков подружился с С. Ф. Платоновым. Тот был всего на год старше, но уже завершал работу над диссертацией. В дальнейшем Платонов сделает блестящую профессиональную карьеру и станет фактическим главой «петербургской школы» историков. К этому времени судьба разведет его с Милюковым, но в молодости их связывали тесные приятельские отношения.

Между тем, закончив сбор материала, Милюков приступил к работе над текстом диссертации. В итоговом виде она получила название «Государственное хозяйство России первой

четверти XVIII века и реформа Петра Великого». По тогдашним правилам диссертация перед защитой должна была быть напечатана для того, чтобы с ней мог познакомиться любой желающий. Обычно соискатели предпочитали издавать текст отдельной книгой – минимальным тиражом и, следовательно, с минимальными затратами. Милюков пошел по иному пути. Его диссертация была напечатана в «Журнале министерства народного просвещения» – в девяти номерах с продолжением, как популярный роман. Это было делом беспрецедентным и рискованным – читателей у журнала было куда больше чем тех, кто приобрел бы малотиражную книжку. В этой ситуации критики можно было ожидать отовсюду, но Милюкова это не беспокоило, настолько непоколебимо он был уверен в научных достоинствах своего сочинения.

Чем ближе было время защиты диссертации, тем более напряженными становились отношения Милюкова и Ключевского. Милюков по привычке еще забегал в дом Ключевского. Обычно хозяйка приглашала гостя к столу, а потом Милюков и Ключевский уединялись в кабинете, где за самоваром вели долгие разговоры. Но очередное посещение Ключевского закончилось для Милюкова очень неприятно – во время ужина хозяин не произнес ни слова, всем своим видом давая понять, что гость ему в тягость. Сейчас трудно разобраться в причинах этого разрыва. Позже Милюков обвинял во всем Ключевского, недвусмысленно намекая, что тот просто завидовал его, Милюкова, успехам. Но и сам Милюков был не без греха. В кругу друзей он совершенно серьезно говорил о том, что рано или поздно займет кафедру Ключевского в университете. Наверняка подобные разговоры доходили до Ключевского и совсем не нравились ему, учитывая, что по возрасту он мог руководить кафедрой еще двадцать лет. Дело едва не дошло до публичного скандала. В переписке с Платоновым Милюков в это время рассуждает о том, что ему, возможно, придется покинуть Москву, и просит приятеля подыскать ему работу на новом месте.

Защита диссертации Милюкова была назначена на 17 мая 1892 г. В то время процедура защиты была предельно простой.

Профессора, так или иначе связанные с темой защищаемой работы, собирались, выслушивали соискателя и вместе решали, достоин ли он искомой степени. Милюков был хорошо знаком со всеми участниками предполагавшегося диспута. Большинство из них уже прочло диссертацию и не скрывало положительного отношения к ней. Более того, Милюкову намекнули, что его могут ожидать приятные сюрпризы. Дело в том, что незадолго до этого магистерскую диссертацию об эпохе Возрождения защищал М. С. Карелин. Его работа была признана столь серьезной, что собравшиеся единогласно присудили ему вместо магистерской сразу докторскую степень.

Милюков мог ожидать того же, но на практике его ждало серьезное испытание. Накануне защиты «доброжелатели» сообщили ему, что Ключевский категорически отвергает саму возможность присуждения Милюкову докторской степени. Слухи о грядущем противостоянии распространились по университету, и в день защиты аудитория, где должно было проходить собрание, была переполнена до предела. Как и ожидалось, главным оппонентом соискателя выступил его научный руководитель. Милюков вспоминал: «Ключевский выбрал систему высмеивания. Он высмеивал мои статистические данные – которыми сам потом пользовался. Других не было. Он ловил меня на словах и искал противоречий. Опровергнуть это было не трудно: достаточно было сослаться на общие выводы. Я не припомню, чтобы хоть одно из его возражений было основательно, хотя часть публики, уверенная в авторитете профессора и подчинившаяся его менторскому тону, наверное, думала иначе»²⁵.

В такой ситуации о присуждении докторской степени никто даже не заикался. Декан факультета профессор М. М. Троицкий, поздравляя Милюкова с успешной защитой, выразил надежду, что тот уже в ближайшее время защитит докторскую. Но Милюков, оскорбленный в лучших чувствах, дал себе слово никогда и никаких диссертаций больше не защищать. Со своей стороны, он постарался дать понять Ключевскому свои чувства, демонстративно не пригласив его на банкет по случаю защиты.

2.2. В годы преподавательской деятельности

Ученая степень давала Милюкову формальное право преподавать в университете. Поскольку он только начинал научную карьеру, постольку не мог рассчитывать на чтение основных лекционных курсов. Молодым преподавателям, как правило, поручали практические занятия и специальные курсы. Такие курсы были узкими по тематике и для студентов не обязательны. Последнее обстоятельство Милюкова только радовало, так как он имел возможность общаться с теми студентами, которые пришли на его лекции сознательно и добровольно. Обычно это было три – четыре человека, но именно узкий состав аудитории позволял преподавателю довести до слушателей не только общую информацию, но и познакомить их с приемами научного исследования.

Милюков еще не изжил энтузиазм молодости и потому легко мог заразить им студентов. Одним из них был А. А. Кизеветтер, в будущем ставший известным историком. Свои впечатления от занятий Милюкова он вспоминал так: «Лекции Милюкова производили на тех студентов, которые уже готовились посвятить себя изучению русской истории, сильное впечатление именно тем, что перед нами был лектор, вводивший нас в текущую работу своей лаборатории, и кипучесть этой исследовательской работы заражала и воодушевляла внимательных слушателей. Лектор был молод и еще далеко не был искушен в публичных выступлениях всякого рода. Даже небольшая аудитория специального состава волновала его, и не раз во время лекции его лицо вспыхивало густым румянцем».

Сам того не осознавая, Милюков в общении со студентами копировал манеру Ключевского. Это относилось и к особенностям чтения лекций, и к стремлению не ограничивать это общение пребыванием в университетских стенах. Кизеветтер писал: «Молодой лектор сумел сблизиться с нами, и скоро мы стали посещать его на дому. Эти посещения были не только приятны по непринужденности завязывавшихся приятельских отношений, но и весьма поучительны. Тут уже воочию развертывалась перед нами картина кипучей работы ученого, с головой ушедшего в свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. Тут нельзя было сделать ни одного движения, не задев какую-нибудь

книгу. Письменный стол был завален всевозможными специальными изданиями и документами. В этой обстановке мы просиживали вечера за приятными и интересными беседами»²⁶.

Первоначально Милюкову было поручено прочесть курс по истории русской колонизации. Эта тема была, что называется, фирменным знаком «московской школы». Ее начал разрабатывать еще М. П. Погодин и поставил на первый план Ключевский. Хорошо известно высказывание Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется». Но со временем Ключевскому просто надоело читать специальные курсы и он перепоручил их молодым преподавателям.

От Милюкова требовался минимум – изучить написанное на эту тему Погодиным и Ключевским, а потом в доступной форме изложить все это студентам. Но Милюков и здесь не мог не проявить самостоятельности. Он взял классическую книгу варшавского профессора-историка Н. П. Барсова «Материалы для историко-географического словаря», где были исчерпывающе собраны древнерусские топонимы, и перевел их на подробную карту России. В результате у него получилась картина, мало совпадающая с утверждениями Ключевского о волнах переселения русских племен с юга на север. Естественно, Ключевскому немедленно сообщили о столь вопиющем «вольномудстве», что никак не улучшило их отношения с Милюковым.

Еще одним специальным курсом, порученным Милюкову, была русская историография. Об этом следует рассказать более подробно. К тому времени история становления исторической науки в России была предметом специального изучения сравнительно недолго. Традицию университетского преподавания историографии заложил С. М. Соловьев. Одно время лекции по историографии читал и Ключевский, но, не чувствуя к этому особой тяги, при первой же возможности передал их младшим коллегам.

Милюков подошел к подготовке курса со всей серьезностью. Собранного им материала оказалось так много, что его вполне хватило на солидную монографию. Она получила название «Главные течения русской исторической мысли» и за пятнадцать лет успешно выдержала три издания. Милюкову в ту пору, когда он писал эту книгу, не было и 30 лет. Апломб молодого автора,

его стремление во что бы то ни стало ниспровергнуть прежние авторитеты ощущаются здесь больше, чем в каких-либо других его произведениях.

Консервативно настроенного читателя в книге Милюкова должно было шокировать все. Начать с того, что ее автор полностью перечеркивал весь долгий период русской историографии с момента зарождения до конца XVII в. По мнению Милюкова, «наша средневековая философия истории есть, несомненно, заимствованная – польская»²⁷. Не приводя никаких аргументов в пользу этого тезиса, Милюков просто заставляет читателя принять его как факт. Отправной точкой в формировании собственно русской историографии, с точки зрения Милюкова, было появление знаменитого киевского «Синописа».

С этого времени, как полагал Милюков, в русской историографии наметились две тенденции. Одна – ориентированная на понимание истории в духе классической формулы «история – учительница жизни», другая – рассматривающая историю как науку. Переход от прагматически-назидательного понимания истории к научной стадии ее развития завершился во втором десятилетии XIX в., когда представителей дворянства в научных сферах сменяет западническая по своим настроениям разночинная интеллигенция. Этим периодом Милюков и заканчивает свое исследование.

К тому времени, когда Милюков начал читать университетские лекции, самой популярной книгой, посвященной русской историографии, было исследование М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», впервые увидевшее свет в 1884 г. Его автор – профессор Санкт-Петербургской духовной академии – был одним из последних представителей классического славянофильства. Его книга, яркая и талантливая, была, тем не менее, пронизана субъективизмом от начала до конца. По словам Милюкова, в трактовке Кояловича деятели исторической науки «разделились на два лагеря – своих и чужих, и чужие (немцы-западники) были уличены в непрерывном полуторавековом заговоре против русской народности и против национального самосознания»²⁸.

Миллюков был категорически не согласен с этой схемой. С его точки зрения, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов и другие русские историки XVIII в. были людьми, для которых любовь к своей стране значила больше, чем принципы науки. В то же время Г. Байер, Г. Миллер, А. Шлецер – иностранцы на русской службе, – не будучи связаны этим обстоятельством, сумели привнести в русскую историографию подлинно научные подходы.

Еще более необычно выглядит в трактовке Миллюкова характеристика Н. М. Карамзина. Со времен выхода «Истории государства Российского» ее автор стал восприниматься как непререкаемый авторитет. Миллюков подвергает эту оценку сомнению. По его мнению, творчество «отца русской истории» целиком и полностью было связано с XVIII в., с тем подходом, с теми чисто литературными приемами, которые уже во времена самого Карамзина признавались анахронизмом. По словам Миллюкова, «если деятельность Карамзина может считаться поворотным пунктом в русской историографии, то только в одном смысле. Карамзин не начал собой нового периода, а закончил старый... Вместо сознательного творца новой эпохи мы должны представлять себе Карамзина невольною жертвой устаревшей рутины, и этого положения историографа в истории науки не могут изменить никакие заслуги его в истории учености и истории просвещения»²⁹.

Книги Миллюкова иногда создают впечатление, что он сознательно избегал смягченных формулировок, а, напротив, «рубил с плеча», провоцируя скандал. Так вышло и в этом случае. Против Миллюкова ополчились многие коллеги, даже из числа тех, кто прежде его поддерживал. Но результат был достигнут – о Миллюкове заговорили в научном мире.

Свидетельством признания стало то, что Академия наук поручила именно Миллюкову подготовить рецензию на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве», представленную на соискание Уваровской премии. Миллюков с желанием взялся за поставленную задачу. Напомним, что в своей диссертации он детально занимался историей государственных финансов первой четверти XVIII в. и ему интересно было посмотреть на эту проблему с позиций предшествующего периода. В итоге рецензия выросла в

самостоятельную монографию объемом около двухсот страниц. Милюков не только привлек в качестве источника значительное число ранее не опубликованных документов, но по своей инициативе составил и поместил в приложение список дозорных и писцовых книг XV–XVI вв. Получившееся в итоге исследование было названо «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства»³⁰. Оно оказалось настолько самостоятельным и серьезным, что Платонов даже предлагал Милюкову защитить его в качестве докторской диссертации.

Однако Милюков помнил о данной им клятве. Хотя время и прошло, но обида, рожденная защитой магистерской диссертации, все еще не оставляла его. В какой-то мере утешением можно было считать то, что «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII века» в 1892 г. удостоилось премии имени С. М. Соловьева. Интересно, что среди членов конкурсной комиссии, единодушно проголосовавших за присуждение Милюкову премии, был и Ключевский.

Всего за несколько лет Милюков стал полноправным и уважаемым членом преподавательского сообщества Московского университета. При этом его деятельность не ограничивалась исключительно академическими рамками, но и выходила в более широкие общественные сферы. В тогдашней ситуации это было неизбежно. Эпоха «закручивания гаек», наступившая после убийства Александра II, подходила к концу. В октябре 1894 г. умер сын и преемник убитого – Александр III, и в обществе воцарилось ожидание грядущих перемен. В это время группа профессоров и преподавателей Московского университета затеяла что-то вроде выездного лектория. Предполагалось, что в крупнейших провинциальных центрах будет организован цикл выступлений на самые разные темы – от естественных наук до литературы и истории.

Первым местом таких выступлений был избран Нижний Новгород, а одним из первых выступающих стал Милюков. Послушать столичную знаменитость собралось много народу. Просторный зал Благородного дворянского собрания был набит до отказа. Тем более что и тема лекции звучала весьма привлекательно – «Общественное движение в России в XVIII столетии». Милюков вполне понимал, что существуют границы, переходить

которые нельзя. По этой причине он закончил свой рассказ эпохой Екатерины II, ни словом не упоминая декабристов, а тем более представителей общественной мысли более поздней поры. Но российская публика привыкла читать между строк и слышать недосказанное. Позже Милюков писал об этом: «Конечно, последняя лекция содержала в себе намеки на общие чаяния, и это было подчеркнуто прощальной овацией присутствующих»³¹.

Милюков вернулся в Москву, а между тем ситуация в стране менялась на глазах. В середине января 1895 г. новый император Николай II выступил со своей первой программной речью перед делегатами от дворянства, земств и городов. В ней он назвал все разговоры об участии народных представителей в управлении государством «бессмысленными мечтаниями». Для тех, кто умел слышать, это означало, что никаких перемен не будет.

Короткой «оттепели» пришел конец, и Милюков вскоре почувствовал это на себе. 18 февраля 1895 г. по представлению Департамента полиции Милюков был уволен из университета с запретом заниматься любой преподавательской деятельностью. Поводом для этого стало начатое Департаментом дело о «прочтении лекций преступного содержания перед аудиторией, не способной отнестись к ним критически»³². Через несколько дней последовало распоряжение об административной высылке Милюкова из Москвы.

2.3. «Очерки по истории русской культуры»

Милюкову не хотелось уезжать далеко от Москвы, и потому он подал прошение назначить ему для жительства Ярославль. Но просьба эта была отклонена на том основании, что в Ярославле существовало высшее учебное заведение – Демидовский юридический лицей, а в таких городах ссыльным селиться не разрешалось. В такой ситуации Милюков остановил свой выбор на Рязани, как на самом близком к Москве губернском городе.

Свое пребывание в Рязани Милюков постарался организовать как можно более комфортно. Знакомые подыскивали ему просторную квартиру, куда из Москвы переехала Анна Сергеевна с сыновьями Николаем и Сергеем. У Милюкова быстро появились друзья среди местной интеллигенции. Он с увлечением выезжал

на раскопки, играл в составе струнного квартета, учился ездить на велосипеде. Ссылным полагались какие-то казенные средства на наем жилья, но у Милюкова серьезных финансовых проблем не было. В это время он практически еженедельно печатался в «Русской мыли», где на нем держался весь библиографический отдел. Регулярные контакты Милюков установил и с редакцией энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, на страницах которого он опубликовал свыше двух десятков статей.

Но главным, над чем работал Милюков в этот период, был большой обобщающий труд по русской истории. Замысел его родился у Милюкова еще в 1892 г., когда устроители Московских педагогических курсов обратились к нему с предложением прочесть лекции по истории русской культуры. Милюков немедленно ответил согласием. «Это было как раз то, о чем я мечтал с некоторого времени: прочесть общий – то есть общеобразовательный – курс по истории России, но прочесть его не так, как требовалось по университетской программе». Образцом для себя Милюков выбрал «Историю цивилизации во Франции» знаменитого историка Франсуа Гизо.

Суэта повседневной жизни долго мешала Милюкову приниматься за работу. Время на это у него нашлось только в ссылке. Впрочем, и ссылки тоже не хватило. В Рязани Милюков пробыл два года. Следствие по его делу тянулось не спеша, но рано или поздно должно было подойти к концу. Как раз в это время Милюков получил крайне лестное предложение. Высшее училище (университет) болгарской столицы Софии предложило Милюкову занять кафедру славянской истории. Милюков подключил к делу своих петербургских знакомых, и в итоге ему было официально предложено: либо отбыть годичный срок в уфимской тюрьме, либо на два года быть высланным за границу.

Естественно, что Милюков выбрал высылку и со спокойным сердцем отправился в Болгарию. Правда, проработать в качестве преподавателя ему пришлось только год – по требованию русского посольства болгарские власти были вынуждены разорвать с ним договор. Но оставшийся год Милюков провел в поездках по Балканам, не прерывая в то же время работы над задуманным исследованием.

Именно в ходе этой работы у Милюкова сложилось понимание философии истории, которое он сохранит на протяжении всей своей жизни. В эпоху всеобщего увлечения идеями позитивизма Милюков сумел дистанцироваться от их крайнего проявления. Он не разделял мнения некоторых своих коллег, полагавших, что явления человеческой жизни настолько неповторимы, что не могут быть основой для обобщений. В конце концов, полагал Милюков, неповторим каждый случай падения предмета, но это не отрицает существование закона всемирного тяготения. Неповторимость событий и явлений прошлого как раз и дает возможность проследить исторические закономерности, поскольку сходство на фоне различий особенно ярко бросается в глаза.

Но вместе с тем Милюков не являлся и сторонником исторического универсализма, то есть единого проявления закономерностей в истории всех стран и народов. На первый взгляд это может показаться странным, но Милюков вообще выступал против понятия «всемирная (или всеобщая) история». Согласно Милюкову, оно насквозь пропитано телеологией* и корнями уходит в эпоху становления христианской философии. Всемирная религия породила и представление о всемирной истории, ибо Бог один для всех народов, а значит, и жизнь их проистекает по единым законам.

Милюков полагает (солидаризируясь в этом случае с Данилевским), что в прошлом любого народа можно найти свою древность, средневековье и новую историю. Иначе говоря, согласно Милюкову, единственной единицей научного наблюдения может быть только отдельный национальный организм.

Подходить к его изучению можно двояко, используя социологический и культурологический метод. Первый предполагает изучение вертикального среза истории, событий и явлений в их развитии. Такой путь позволяет выявлять общие тенденции, но неизбежно ведет к некоему схематизму. Второй ориентирован на горизонтальный срез, единовременные характеристики цивили-

* Телеология – философское учение о целесообразности бытия, определяемой существованием разумной воли Бога-творца. Используя телеологический подход, средневековые ученые пытались ответить на вопрос о смысле жизни.

зации. В этом случае мы получаем необходимый по широте охват, рискуя получить статичную картину.

Милюков попытался совместить оба эти подхода. Главным предметом внимания в его исследовании должны были стать история учреждений и история идей. «Оба ряда развертывались параллельно, раскрывая свою взаимозависимость; в каждом ряду явления эволюционировали в строгом логическом порядке, из самих себя, как бы без вмешательства историка... Не события, отнюдь не события! И не хронологический пересказ всего, что случилось в данном отрезке времени – с тем, чтобы опять возвращаться ко всему в следующем отрезке. А процессы в каждой отдельной области жизни, в их последовательном развитии, сохраняющем и объясняющем их внутреннюю связь – их внутреннюю тенденцию. Только такая история могла претендовать на приближение к социологическому объяснению»³³.

В итоговом виде труд Милюкова получил название «Очерки по истории русской культуры». В трактовке термина «культура» Милюков не ограничивается только проявлениями духовной жизни. Он пишет, что государственные учреждения, экономика, быт суть такие же духовные продукты социальной среды, как религия или искусство. В итоге содержание его работы значительно шире, чем это можно понять из заголовка.

Первый том «Очерков» был опубликован в 1896 г., когда Милюков еще находился в рязанской ссылке. Он состоял из четырех частей, посвященных характеристике изменений в составе населения страны, экономическому устройству, истории государственных учреждений и сословному строю. Каждый из этих вопросов рассматривался через призму эволюции – с древнейших времен до конца XIX в. Такая структура позволяла видеть проблему в развитии, а при необходимости – объяснить настоящее прошлым.

По мнению Милюкова, главной причиной отличия русской истории от истории стран Западной Европы было то, что на востоке континента все общественные процессы начались с большим запозданием. Русская история начинается только в VIII–IX вв., то есть когда на Западе уже в основном завершилось формирование национальных государств. В дальнейшем это отставание не сокращалось, а только увеличивалось. Дело в том,

что основные силы русского народа уходили не на развитие заложенного потенциала, а на преодоление последствий неблагоприятных условий жизни. Постоянная борьба с агрессивными соседями-кочевниками формировала у восточных славян военную организацию общества с безусловным подчинением вождю. Военные цели подчиняли себе и значительную часть производительных сил. Страх перед ежедневной опасностью со стороны врагов заставлял жителей древнерусского государства переселяться в отдаленные районы. Начавшаяся уже на заре русской истории колонизация стала главным стержнем общественной жизни как минимум до конца XVII столетия.

Как бы ни относился Милюков к Ключевскому, но в этих построениях он почти буквально следовал его теории. В разделе же, посвященном состоянию Российской экономики, отразилось увлечение автора марксистской теорией. Особенностью России, по мнению Милюкова, был низкий уровень развития производительных сил. Объяснялось это недостаточной плотностью населения, при недостаточной плодородности почв и плохих климатических условиях. В итоге земледелие в России традиционно носило экстенсивный характер. Российская экономика на протяжении столетий характеризовалась господством натурального хозяйства, чему, помимо низкой производительности труда, способствовало крайне плохое состояние путей сообщения.

Промышленное производство в России не могло появиться самостоятельно. Его вызвала к жизни исключительно потребность государства (прежде всего в продукции военного назначения). Промышленный сектор в России не мог существовать без государственной поддержки, отсюда и то чрезмерное, по сравнению с Европой, вмешательство государства в экономику, которое характеризует всю русскую историю.

Первый том «Очерков» вызвал самую благожелательную реакцию критиков. Действительно, ничего подобного в русской исторической науке еще не было. Что называется, «на ура» восприняла книгу университетская молодежь, увидевшая в авторе социалиста марксистского толка.

Второй том, опубликованный в 1898 г., был посвящен культуре, школе и церкви. В сфере религиозно-церковной отличия Рос-

сии от Западной Европы, по мнению Милюкова, были особенно очевидны. Европейскую цивилизацию сформировала католическая традиция, предполагавшая надгосударственный статус церкви. Церковь в этом случае выступала в роли ограничителя монаршей власти, способствуя тем самым формированию социального баланса. В России, унаследовавшей византийскую традицию, церковь с самого начала была подчинена государству и не играла самостоятельной роли: «она не возбуждала мысли к деятельности и не преследовала ее инквизиционными трибуналами. Вот почему отношение интеллигентного русского к религии осталось таким, каким создала это отношение история – безразличным»³⁴.

Самым интересным у Милюкова получился третий том «Очерков», увидевший свет в 1902 г. (перед этим на протяжении четырех лет текст печатался в журнале «Мир божий»). Он имел собственный заголовок «Национализм и общественное мнение»*. В отличие от первых двух томов, хронологические рамки изложения в третьем томе охватывали лишь период с конца XV по вторую половину XVIII в. Объяснялось это анализируемой в книге проблемой.

Еще за двадцать лет до этого, читая в бытность свою юным санитаром на Кавказском фронте работу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», Милюков впервые задумался о сочетании национального и общеевропейского в русской истории. Сейчас размышления по этому поводу нашли свое выражение в третьем томе «Очерков».

По мнению Милюкова, в правление Ивана III Россия пережила незамеченный историками перелом, в корне изменивший весь ход русской истории. По своим последствиям он сопоставим с Петровской эпохой. Но вместе с тем природа этого перелома иная. «Тогда, при Петре, Россия заинтересовалась Европой и принялась черпать полными руками из ее культурной сокровищницы новые нравы и новые мысли. Теперь, при Иване, московская Русь была еще слишком

* Милюков сам признавал, что название это неточно, ибо национализм рассматривается в книге именно как часть общественного мнения. В «юбилейном» эмигрантском издании «Очерков» название третьего тома было заменено на несколько неуклюжее «Национализм и европеизм».

некультурна, чтобы заинтересоваться Европой; но теперь Европа заинтересовалась Россией и обронила на русской почве скудные семена, давшие скоро на этой нетронутой почве совсем своеобразные всходы»³⁵.

В конце XV в. Европа была крайне напугана турецкой угрозой и искала любых союзников в борьбе с наступлением ислама. В этой ситуации европейские дворы внезапно обнаружили на востоке континента христианскую державу, до которой им прежде не было никакого дела и о существовании которой они вряд ли догадывались. В Москву зачастили послы от Венецианской республики и римского цесаря. Они готовы были обещать московскому князю все что угодно за помощь против турок. В итоге, как пишет Милюков, «чересчур большая забота о больном сделалась причиной болезни». Именно европейское влияние спровоцировало появление националистической доктрины, сначала в качестве официальной идеологии московских властей. Иными словами, льстивые посулы европейских эмиссаров дали Ивану III политическую программу, которой не было у его предшественников (Милюков формулирует ее как «панрусизм»), проявившуюся в принятии московским владыкой титула великого князя всея Руси. С этого времени цель московской политики определилась на триста лет вперед – собирание под властью московского государя всех его «дедин и отчин», что обусловило кровопролитные войны с Литвой и Речью Посполитой.

Если для Карамзина Иван III – идеальный герой, то для Милюкова скорее дикий и грубый варварский царек, недалекий и беспринципный. Ключевский в свое время писал, что любовь к своей стране мешает русским историкам объективно взглянуть на ее прошлое. У Милюкова этой проблемы нет. Подобно многим представителям своего поколения русской интеллигенции, он даже боится показаться патриотом. Такая крайность понятна для эпохи, когда понятие «патриотизм» рассматривалось как синоним лояльности режиму. Это обстоятельство нужно всегда учитывать, читая «Очерки по истории русской культуры». Оно помогает понять, почему через весь третий том проходит мысль о противостоянии двух

тенденций – национализма и «критики» (этот термин нужно понимать как критику официальной националистической доктрины, как открытость Западу).

Первые проявления критической тенденции Милюков видит уже в ту эпоху, когда начала складываться национальная идея. Носителями «критики», по его мнению, были Нил Сорский и «нестяжатели», Иван Пересветов. Однако явственно критическая тенденция обозначила себя только в XVII в., когда европейское влияние стало более ощутимым. Впрочем, Милюков не переоценивает его, полагая, что оно ограничивалось сферой сугубо бытовой или, в лучшем случае, шло по линии заимствования технических достижений.

Так продолжалось до времени Петра I. Рассказывая о Петровской эпохе, Милюков вступает на хорошо знакомую ему почву. Глава, посвященная Петровским реформам, наверное, самая яркая во всем томе. По меткости, почти афористичности приведенных здесь характеристик Милюков вполне может соперничать с мастером этого жанра – Ключевским.

Милюков совсем не идеализирует Петра, хотя и признает масштаб сделанного им. «Личность Петра видна всюду в его реформе; на всякой частности лежит его печать, и как раз эта-то черта и сообщает реформе в значительной степени стихийный характер. Это бесконечное повторение и накопление опытов, этот непрерывный круговорот разрушения и созидания, и среди всего – какая-то неиссякаемая жизненная сила, которую не могут ни сломать, ни даже остановить никакие жертвы, никакие потери, никакие неудачи, – все это такие черты, которые напоминают расточительность природы в ее слепом стихийном творчестве, а не политическое искусство государственного человека»³⁶.

В оценках деятельности Петра Милюков часто жесток. По его мнению, не забота о процветании государства, а только жажда славы, понимаемой как страх, внушаемый соседям, двигала Петром. Сами по себе Петровские реформы, полагает Милюков, почти не изменили Россию, так как не шли дальше простого заимствования. По мнению Милюкова, отсутствие собственного национального обличья и, как результат, легкость

усвоения чужого есть главная черта русского характера. Он пишет, что за границей русских часто узнают потому, что не могут заметить в них резких национальных особенностей, которые отличали бы француза, англичанина, немца и вообще представителя какой-либо культурной нации Европы.

С формальной точки зрения петровские преобразования были победой «критического», то есть западнического начала. Но уже при ближайших преемниках Петра национализм вновь одерживает верх. Немецкое платье быстро срослось с русской натурой, и спустя менее четверти века после смерти Петра, при восшествии на престол его дочери Елизаветы, возвращение к петровским идеалам стало трактоваться как победа русской национальной традиции над иноземным засильем.

Гораздо выше, чем правление Петра, Милюков оценивает царствование Екатерины II. Про его мнению, в эту пору уже сложилось новое поколение, воспитанное в духе свободы-мыслия. Это стало предпосылкой складывания независимого общественного мнения, утверждения на русской почве европейского духа. На времени Екатерины, на рассказе о Радищеве, Щербатове, молодом Карамзине Милюков прерывает свой рассказ. Из контекста можно предположить, что он планировал развивать эти сюжеты и далее, уже применительно к XIX в.³⁷, но ни тогда, ни позже, когда на склоне лет он переработал первые тома «Очерков», к содержанию третьего тома Милюков больше не возвращался.

«Очерки по истории русской культуры» имели огромный успех. До революции они выдержали минимум семь изданий. Со времени появления «Очерков» Милюков стал восприниматься и в академическом мире, и среди читающей публики как один из самых талантливых и перспективных российских историков. Но будущее готовило ему совсем другую роль.

Лекция 3. Политическая деятельность П. Н. Милюкова

3.1. Депутат Государственной думы

По окончании двухлетнего срока высылки за границу Милюков поселился в Петербурге. К этому времени политика все активнее вторгалось в его жизнь, вытесняя все остальное. Зимой 1900 г. в петербургском Горном институте состоялось нелегальное собрание, посвященное памяти недавно скончавшегося одного из патриархов народовольчества П. Л. Лаврова. На это собрание был приглашен и Милюков. Он не считал возможным отказаться и, более того, выступил перед собравшимися с речью, очень благосклонно встреченной аудиторией.

Как это часто бывало, среди присутствовавших на собрании оказались и полицейские осведомители. Через несколько дней на квартире Милюкова был произведен обыск, а сам он арестован и отвезен в Дом предварительного заключения на Шпалерной. Для Милюкова это был первый арест и потому понятны охватившие его чувства. «Тяжелая дверь замкнулась за мной, мелькнуло в "глазке" двери лицо надзирателя, щелкнул замок, и я почувствовал себя таким обреченным, точно навсегда был отрезан от всего живого мира»³⁸. В заключении Милюков пробыл около шести месяцев. Следствие не могло предъявить ему никаких обвинений, за исключением выступления на собрании памяти Лаврова. В итоге Милюков был отпущен на свободу с запрещением проживать в столицах.

Проблемой это не стало. Милюков первоначально устроился на жительство в финском курортном местечке Ловиса, а с осени подыскал квартиру на станции Удельная, то есть формально за пределами городской черты Петербурга. Русские либералы любили рассуждать о несправедливости и невыносимом гнете, но при этом как должное воспринимали удивительную мягкость русской юстиции по отношению к таким, как они. Через год после ареста, когда вся эта история стала уже забываться, Милюков узнал, что он приговорен в полугодичное тюремное заключение. Однако в это время он готовился к поездке за границу, чтобы улучшить свои знания англ-

лийского языка, и обратился с просьбой отсрочить ему наказание до осени. Просьба была без каких-либо вопросов исполнена, и летние месяцы Милюков провел в приятном путешествии по Англии.

Тюремный срок Милюков отбывал в петербургских «Крестах». Это название происходит оттого, что два огромных пятиэтажных корпуса тюрьмы пересекались под прямым углом, образуя крест. «Кресты» строились как образцовая тюрьма и действительно во многих отношениях были комфортабельнее других российских тюрем. Заключенные здесь содержались исключительно в одиночных камерах, а близость к начальству (все же столица) служила препятствием для проявлений откровенного произвола со стороны надзирателей. Больших проблем Милюков во время пребывания в «Крестах» не испытывал. К нему регулярно пускали посетителей, родственники и знакомые приносили сладости и даже живые цветы. «Словом, это была своего рода временная перемена квартиры, и я мог терпеливо дожидаться конца полугодия тюремной отсидки, не опасаясь никаких сюрпризов»³⁹.

Без сюрпризов, тем не менее, не обошлось. Милюков отсидел только половину срока, как вдруг однажды поздним вечером его вывели из камеры, посадили в карету с закрытыми окнами и куда-то повезли. Карета остановилась около здания Министерства внутренних дел на Фонтанке. Милюкова повели какими-то темными коридорами, внезапно он оказался в огромном кабинете, где за столом сидел сам всемогущий министр внутренних дел В. О. Плеве.

Плеве встретил посетителя приветливо, с похвалой отозвался об «Очерках по истории русской культуры» и заметил, что за Милюкова очень ходатайствовал Ключевский. Надо сказать, что Ключевский читал лекции по истории царским детям и потому был вхож в высокие сферы. Разговор Плеве с Милюковым принял самый дружеский оборот. Дело дошло до того, что Плеве полуслушья предложил Милюкову место министра народного просвещения. Милюков ответил, что он бы в этом случае отказался. «Почему?» — удивился Плеве. «Потому, что на этом месте ничего нельзя сделать. Вот если бы ваше превосходительство предложили бы мне занять ваше место, тогда бы я еще подумал». На этом разговор и закон-

чился. Плеве пообещал, что он снова вызовет Милюкова и сообщит ему свое решение.

Через неделю Милюкова снова доставили к министру. На этот раз Плеве был краток и сух. «Я сделал вывод из нашей беседы. Вы с нами не примиритесь. По крайней мере, не вступайте с нами в открытую борьбу. Иначе мы вас сметем!»⁴⁰. Тем не менее Милюков был освобожден, не дожидаясь окончания тюремного срока.

Последующие три года Милюков большей частью провел за пределами России. Он выезжал с лекциями в США, несколько месяцев провел в Англии, вновь совершил продолжительную поездку по Балканам. Летом 1904 г., находясь на одном из адриатических курортов, Милюков узнал об убийстве Плеве, погибшего от рук эсера-боевика. Это событие многие восприняли как знаковое – недовольство, давно подспудно вызревавшее в России, в любой момент было готово взорваться революцией.

К этому времени в подполье уже действовали партии социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов. Обе они представляли собой радикальное крыло российской оппозиции, сделавшее ставку на революционное насилие. Что касается умеренного либерального крыла, то оно долгое время не имело своих политических центров. Первой организацией такого рода стал «Союз Освобождения», сформировавшийся в 1904 г. вокруг журнала «Освобождение», к этому времени уже два года издаваемого русскими эмигрантами в Париже*. Милюков с давних пор был близко знаком со многими организаторами Союза. Когда-то ему предлагали даже пост редактора «Освобождения», но он отказался, продолжая, впрочем, регулярно печататься на его страницах.

Чем дальше, тем более активно русские либералы заявляли о себе. Осенью 1904 г. они организовали так называемую «банкетную кампанию». В Петербурге, Москве и других крупных городах страны была организована серия банкетов по случаю сорокалетия судебной реформы. Все было устроено абсолютно легально, но на банкетах ораторы вместо официальных тостов произносили речи о необходимости введения политических

* Первый номер «Освобождения» вышел в немецком городе Штутгарте.

свобод и конституции. Власти были вынуждены закрывать на это глаза, поскольку уже плохо контролировали происходящее.

1905-й год начался с расстрела рабочей демонстрации в Петербурге, получившего позже название «Кровавое воскресенье». Милюков узнал об этом в Чикаго, куда он был приглашен читать лекции студентам местного университета. Он немедленно бросил все и засобирався в Россию.

Когда Милюков вернулся на Родину, он сразу оказался в центре водоворота событий. Страну лихорадило, то там, то тут возникали очередные вспышки недовольства. В Петергофе в обстановке строжайшей тайны проходили совещания, на которых высшие сановники империи по поручению царя обсуждали вопрос о возможности введения в стране совещательных учреждений с участием представителей народа. Не только детали обсуждения, но и сам факт такового тщательно скрывался от всех. Тем не менее Милюков ежедневно получал информацию о том, что происходило на совещании. Дело в том, что одним из приглашенных в Петергоф был Ключевский. Он поспешил связаться с Милюковым (за прошедшие годы их прежняя взаимная неприязнь отошла на второй план), а тот использовал полученные материалы для газетных статей на острые темы.

6 (19) августа 1905 г. был обнародован царский манифест, провозглашавший создание Государственной думы с законосовещательными функциями. Преднамеренно архаичное название (Думой в эпоху русского Средневековья назвалось совещание высшей аристократии при особе царя) должно было подчеркнуть, что вновь создаваемый орган является не порождением революции, а возвратом к прежним национальным традициям. В широком обиходе было принято говорить о «булыгинской думе» (от фамилии министра внутренних дел А. Г. Булыгина, курировавшего этот проект).

«Булыгинская дума» встретила острое неприятие со стороны основных общественных групп. Впрочем, Милюкову участвовать в обсуждении «булыгинского проекта» не пришлось. 7 августа он был арестован и препровожден в «Кресты». Время было беспокойное, и тюремное начальство не только не давило на заключенных, но даже заискивало перед ними. Находясь в тюрьме, Милюков был

в курсе всего происходившего за ее стенами. Позже он вспоминал: «Да, я мог быть доволен этой тихой заводью тюрьмы, укрывшей меня на месяц от другого разлива – русского нараставшего девятого вала. Было время и отдохнуть, и подумать»⁴¹.

Милюков вышел на свободу в середине сентября и сразу же попал на съезд представителей земского и городского самоуправления. Делегаты его поддержали решение состоявшегося ранее съезда «Союза Освобождения» о слиянии в единую политическую партию. В процессе подготовки программных документов будущая партия получила название конституционно-демократической. Милюков принимал самое деятельное участие в разработке всех подготовительных материалов. Можно сказать, что свое лицо партия обрела под влиянием того, как его понимал Милюков: «Партия "конституционная" не должна была быть республиканской: это первое ограничение. Партия "демократическая" не должна была быть социалистической. За эти грани мы должны были сражаться»⁴².

Учредительный съезд конституционно-демократической партии (кадетов, как их немедленно окрестили по первым буквам названия) состоялся в середине октября 1905 г. в Москве в доме князя Долгорукова на Волхонке. В огромном зале, занимавшем весь второй этаж старинного барского особняка, собрались те, кто причислял себя к интеллектуальной элите российского общества. Профессура, популярные адвокаты, журналисты и литераторы – таков был преобладающий состав участников. Чуть позже один из сатирических журналов напишет об этом так:

Роскошь, фарфор и портьеры, много серебра,
Снимки Ниццы и Ривьеры, бронзовые бра,
Русских классиков творенья, теплый кабинет.
Тут не может быть сомненья, ясно: вы – кадет.

В последний день заседаний в президиум съезда поступил сенсационный документ, еще не успевший появиться на страницах газет, – царский Манифест от 17 октября 1905 г. Текст манифеста был коротким. После вводной части, составленной в традиционных пышных фразах, было всего три пункта. В пункте первом содержалось обещание «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной непри-

косновенности личности. Свободы совести, слова, собраний и союзов». Пункт второй предполагал привлечение к выборам в Государственную думу тех классов населения, которые пока лишены избирательных прав. Пункт третий устанавливал, что никакой закон не может быть принят без одобрения Думы, а депутатам должна быть предоставлена возможность контролировать деятельность исполнительной власти.

Выборы в Думу были назначены на февраль 1906 г., а значит, времени для подготовки к ним практически не оставалось. Надо отдать должное – в короткий срок кадетская партия организовала массовый выпуск агитационной литературы, газет, поездки агитаторов в провинцию. Конкуренции кадеты почти не встречали. А. А. Кизеветтер вспоминал: «Крайне правые и октябристы совсем не выступали с возражениями на наши доклады. Они предпочитали устраивать собрания в своем кругу, в присутствии лишь единомышленников, и не обнаруживали охоты публично отстаивать свои положения»⁴³. Что касается социалистов, то они бойкотировали выборы, поскольку полагали, что они лишь отвлекают трудящиеся массы от активных форм борьбы.

Результатом стало полное торжество кадетов. Почти половина избранных в Думу депутатов причисляла себя к кадетской партии или сочувствовала ей⁴⁴. Позже Милюков назвал эту победу «сомнительной». Действительно, кадеты получили большинство только потому, что оказались в положении единственной оппозиционной политической силы. Их победа была результатом протестного голосования, а отнюдь не свидетельствовала о массовой поддержке партийной программы.

Сам Милюков в Думу не попал. Чтобы быть избранным, нужно было отвечать определенному имущественному цензу (для городских избирателей – недвижимостью). Милюков в последний момент попробовал что-то организовать, но контролирующие органы не приняли это во внимание. Тем не менее Милюков пристально следил за происходившим в Думе. С февраля 1906 г. в Петербурге стала издаваться газета «Речь», в которой Милюков выступал в роли главного редактора. На ее страницах ежедневно появлялись политические статьи Милюкова, позднее составившие сборник «Год борьбы».

С первых же шагов своей деятельности Дума вступила в острейший конфликт с исполнительной властью. Правда, и в правительстве не было единства по вопросу об отношениях с парламентом. Часть министров полагала необходимым немедленный роспуск Думы, но были и те, кто считал необходимым поиски компромисса. Главным партнером для переговоров в этом случае могла быть только самая влиятельная партия в Думе – кадеты. Дважды Милюков в качестве представителя кадетского руководства тайно встречался с посланцами правительства. Результатом этих встреч стал предварительный список нового состава кабинета министров, где сам Милюков фигурировал в должности министра внутренних дел. Он мог гордиться – прошло всего три года после его разговора с Плеве, и ему уже вполне серьезно предлагали кресло, которое занимал его тогдашний собеседник.

Но стать министром в этот раз Милюкову не пришлось. В правительстве возобладали сторонники разрыва. Просуществовав немногим более двух месяцев, Дума была распущена. Часть депутатов отказалась признать роспуск и собралась в соседнем со столицей Выборге, где приняла воззвание, призывавшее население России не платить налоги и не давать призывников в армию. Позже против подписавших воззвание было возбуждено дело по статье, предусматривавшей наказание за «призыв к неповиновению или противодействию закону». В итоге разбирательства больше полутора сотен депутатов были признаны виновными и приговорены к трехмесячному заключению. Само по себе наказание не было тяжелым – осужденные даже получили право самим выбирать, когда и где они будут отбывать заключение. Более существенным было другое – как признанные виновными по суду, бывшие депутаты лишались права быть вновь избранными в законодательные учреждения. Милюков присутствовал на заседании в Выборге, но он был частным лицом, и его подписи под воззванием не было. Это позволило ему избежать суда, но в новую Думу, избранную в начале 1907 г., Милюков снова не попал. Депутатский мандат Милюков сумел получить только в III Думе.

В кадетском руководстве не было какой-то должности, которая бы предполагала персонифицированное лидерство. Формально Милюков был просто одним из многих членов

Центрального Комитета. Но на практике с самого начала существования партии он был ее признанным вождем. Милюкову не раз приходилось идти против мнения своих однопартийцев, и всегда именно они шли к нему на поклон.

Признавать свою неправоту было совершенно не в духе Милюкова. Его не связывали такие сантименты, как принципы или верность партийной догме. Один из близко знавших его людей в этой связи замечал: «Милюков – не кадет. Каковы его подлинные политические убеждения, вряд ли кто-нибудь знает, а может быть, их и нет у него, а есть лишь уверенность, что реальную политику можно вести на том месте, на которое поставлены кадеты, что он, Милюков, эту политику может делать, что без него она велась бы хуже или совсем не делалась бы»⁴⁵. Непокколебимая уверенность в своей всегдашней правоте часто выручала Милюкова, но это же качество мешало ему быстро реагировать на меняющуюся обстановку. В парламентской работе, предполагающей относительно стабильные правила игры, это помехой не было. Когда же правил не стало, Милюкову пришлось очень сложно.

3.2. В составе Временного правительства

Проработав весь отпущенный ей срок в III Думе, Милюков был благополучно переизбран на новый срок. За это время он успел обжиться в стенах Таврического дворца, где заседал российский парламент, и воспринимался всеми как один из думских патриархов. Но IV Думе пришлось работать в более сложной обстановке, чем ее предшественнице. Казалось бы, прежние проблемы ушли навсегда. Правительство привыкло к существованию парламента и научилось с ним сотрудничать. В свою очередь, депутаты перестали воспринимать себя исключительно в качестве народных трибунов и смирились с повседневной законотворческой работой. Однако впереди было самое серьезное испытание – война.

Через неделю после объявления Германией войны России состоялось чрезвычайное заседание Думы, на котором все фракции выступили с заявлениями о своей готовности отложить былые споры и объединиться перед натиском врага. Заявление от имени депутатов-кадетов написал Милюков. В нем говорилось:

«Мы боремся за освобождение родины от иноземного нашествия, за освобождение Европы и славянства от германской гегемонии, за освобождение всего мира от невыносимой тяжести все увеличивающихся вооружений... В этой борьбе мы едины; мы не ставим условий, мы ничего не требуем. Мы просто кладем на весы войны нашу твердую волю победы»⁴⁶.

Возбужденного настроения первых недель войны хватило ненадолго. Неудачное вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г. еще могло быть списано на случайность, тем более что за этим последовали победы в австрийской Галиции. Но развал экономики, быстро прогрессирующая инфляция быстро охладили патриотизм обывателя. С фронта потянулись эшелоны с ранеными, и конца всему этому не предвиделось.

Весной следующего, 1915 г. врагу удалось прорвать русские позиции. То, что произошло дальше, газеты называли «Великим Отступлением». В короткий срок русские армии оставили Польшу, Литву, Курляндию. Фронт стабилизировался на линии, протянувшейся от Риги до Буковины и Бессарабии. Войска обеих сторон зарылись в окопы, началась многомесячная война на выживание.

Неудачи на фронте, дороговизна и угроза голода стали причиной растущего недовольства. В этой ситуации правящие круги повели себя крайне неудачно. Вместо того, чтобы искать пути взаимодействия с общественностью, правительство, во главе которого встал новый премьер Б. В. Штюрмер, отвечало категорическим «нет» на любые разговоры о переменах. Ответная реакция не заставила себя ждать. В августе 1915 г. крупнейшие парламентские фракции сформировали «Прогрессивный блок», вставший в оппозицию власти.

Ведущую роль в «Прогрессивном блоке» играла кадетская фракция и ее лидер. Участвовавшие в блоке партии (а это было большинство Думы – от либералов до умеренных правых) начали борьбу за создание правительства, ответственного перед парламентом. Вновь, как и десять лет назад, исполнительная и законодательная власти столкнулись в острейшем конфликте.

1 ноября 1916 г. должна была открыться очередная парламентская сессия. Задолго до этого в Петрограде (так с началом

войны был переименован Петербург) начали ходить слухи о том, что ожидается что-то необычное, и потому в назначенный день балконы в зале заседаний Думы были переполнены любопытствующей публикой. То, что произошло дальше, не обмануло ожиданий любителей сенсаций. Главным событием дня стала речь Милюкова. С небывалой резкостью он обрушился на правительство. Милюков приводил факты, доказывавшие бездарность властей, и каждый пассаж заканчивал вопросом: «Что это, глупость или измена?». Ответом Милюкову был гром аплодисментов. Среди депутатов и публики, и без того наэлектризованных слухами, речь кадетского лидера вызвала едва ли не истерику.

По словам самого Милюкова, его речь была воспринята в стране как «штурмовой сигнал к революции»⁴⁷. Удивительно, но в кадетской партии она вызвала скорее растерянность. Член кадетского ЦК А. В. Тыркова записала в эти дни в своем дневнике: «А дальше что? Неужели на улицу идти?»⁴⁸. В противостоянии властей и думской либеральной оппозиции обе стороны играли по правилам, хорошим или плохим, но привычным. Теперь кадеты сами выступили с инициативой пересмотра этих правил, будучи абсолютно к этому неготовыми.

В дни Февральской революции Милюков оказался в самом центре событий. Именно он составил список первого состава Временного правительства. По словам одного из современников, «на кончике стола, в этом диком водовороте полусумасшедших людей, родился этот список из головы Милюкова, причем и голову эту пришлось сжимать, чтобы она хоть что-то могла сообразить»⁴⁹. Сам Милюков занял в правительстве пост министра иностранных дел, правда тут же едва его не лишился.

Дело в том, что Милюков категорически выступил за сохранение в России монархической формы правления. На совещании думских деятелей 3 марта 1917 г., когда обсуждался вопрос о возможности вступления на престол великого князя Михаила Александровича, Милюков оказался самым горячим сторонником этой идеи. Один из участников этой встречи позже вспоминал свои впечатления от выступления Милюкова: «Это была как бы обструкция... Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. Этот человек, обычно столь учтивый и выдержанный, никому не

давал говорить, он обрывал возражавших ему. Обрывал Родзянко, Керенского, всех. Белый как лунь, лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он каркал хрипло»⁵⁰. Милюкову не удалось убедить ни своих товарищей по правительству, ни самого великого князя. Тем не менее он и позже считал, что в этой ситуации был прав.

Милюков отнюдь не был убежденным монархистом. Его упорство диктовалось стремлением остановить нарастающий хаос. Но даже в собственной партии он не находил понимания. На VII съезде, проходившем в марте 1917 г., кадеты внесли в партийную программу изменение, предполагавшее республиканское устройство страны. По мере того, как революция развивалась по нарастающей, становилось ясно, что Милюков все хуже вписывается в нее.

Милюков не имел себе равных в парламентской аудитории, но никак не в роли митингового оратора. Вероятнее всего, ему не сложно было усвоить простые приемы тогдашних властителей толпы, но делать он этого не собирался принципиально. Свою речь он традиционно начинал не с принятого в эти дни обращения «граждане» и не с революционного «товарищи», а со старорежимного: «милостивые государыни и милостивые государи».

Один из современников писал об этом так: «Нужно вспомнить тогдашний Петроград, чтобы со всей ясностью себе представить, что эти "милостивые государыни и государи" действовали, как красная тряпка торeadора на разъяренного быка. На солдатском митинге или где-нибудь на Выборгской стороне бывало достаточно такого обращения, воспринимаемого как вызов, и насмешка, и контрреволюционная демонстрация вместе, чтобы Милюков не мог больше сказать ни слова. Поднималась буря. И тем не менее, зная наперед впечатление от sacramентальных слов, Милюков, нисколько не смущаясь, вылезал с ними на следующий день, такой же корректный, подтянутый, с дипломатической улыбкой на устах, и бросал серым шинелям, ситцевым платочкам те слова обращения, с которыми он привык обращаться в своих бесчисленных лекциях к дамам и господам петербургской интеллигенции»⁵¹.

В этом упрямстве – весь Милюков. Человек, несомненно, умный, он знал об этом и очень высоко себя ценил. По этой причине

он не собирался приспособливаться под обстоятельства, полагая, что они должны приспособиться под него. Так было всегда, и чаще всего обстоятельства отступали. Милюкову удавалось «перепрямить» и своих коллег по Думе, и сановников царя. Но сейчас ему противостояла не воля отдельных людей, а разбушевавшаяся стихия. Милюков не захотел этого понять и поплатился министерским креслом.

В воюющей стране, какой была Россия, любой внешнеполитический вопрос так или иначе затрагивал главную тему – продолжать войну или же заключать с врагом мир. После двух с половиной лет, когда поражения преобладали над победами, антивоенные настроения были в стране очень сильны уже сами по себе. Революция, легализовавшая антивоенную пропаганду, еще более усугубила дело. Весной 1917 г. популярность получили лозунги так называемого «революционного оборончества». Это понятие подразумевало, что с начала революции война изменила свой характер – из несправедливой и захватнической она превратилась в войну за защиту революционных завоеваний. Обязательным условием при этом был отказ России от аннексий и контрибуций.

Со стороны Милюкова «революционное оборончество» встретило категорическое противодействие. Сам он характеризовал свою позицию следующим образом: «Министр иностранных дел вел эту политику в духе традиционной связи с союзниками, не допуская мысли о том, что революция может ослабить международное значение России резкой переменой ориентации и изменением взгляда на заключенные соглашения и принятые обязательства»⁵². Если перевести эту длинную фразу на более понятный язык, следовало понимать, что Милюков собирается до последнего отстаивать все обещания относительно приобретений, которые Россия должна была получить после окончания войны. В первую очередь речь шла о контроле над черноморскими проливами. По этой причине левые газеты окрестили лидера кадетов Милюковым-Дарданелльским, что его ни в малейшей мере не смущало и даже служило поводом для гордости.

Свои взгляды на внешнюю политику Милюков изложил в ноте от 20 апреля 1917 г., адресованной послам держав-союзниц. Появление ее было вызвано распространившимися в европейских

столицах слухами о намерении России заключить сепаратный мир. Нота категорически опровергала их и подтверждала готовность Временного правительства соблюдать все ранее принятые союзнические обязательства.

В ноте Милюкова содержались слова о том, что после окончания войны Россия и союзники «найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предотвращения новых кровавых столкновений в будущем». Левые увидели в этом завуалированный намек на подтверждение тех планов территориального передела, которые были разработаны еще прежним режимом. Между тем, как уже отмечалось, для социалистической пропаганды лозунг «мира без аннексий и контрибуций» был одним из символов веры. Посягательство на него вызвало крайне бурную реакцию.

Уже с утра 20 апреля на улицах Петрограда стали возникать стихийные митинги сторонников и противников Милюкова. После полудня стало известно о том, что Финляндский полк в полном составе и с оружием в руках направляется к резиденции правительства. Солдаты несли с собой знамена и плакаты с лозунгами «Долой захватную политику», «В отставку Милюкова». Толпа солдат и рабочих окружила Мариинский дворец, где обычно заседало Временное правительство.

Вечером на той же площади солдат и рабочих сменила многолюдная демонстрация в поддержку правительства. Появившийся на балконе дворца Милюков был встречен овациями и криками «Ура!». Обращаясь к собравшимся, он сказал: «Граждане! Когда я узнал про демонстрацию с лозунгами "долой Милюкова", я боялся не за Милюкова. Я боялся за Россию. Если бы этот лозунг выражал настроение большинства граждан, то что скажут наши союзники, что сообщили бы союзным державам мои товарищи – послы иностранных держав в Петрограде? Они сегодня послали бы телеграфные извещения своим правительствам, что Россия изменила союзникам, что она вычеркнула себя из списка держав, воюющих за свободу и за уничтожение милитаризма. Временное правительство не может встать на такую точку зрения... Как и я, оно будет защищать то положение, при котором никто не смеет упрекнуть Россию в измене. Россия

никогда не согласится на сепаратный мир, на мир позорный. И мы ждем вашего доверия, которое явится тем попутным ветром, который двинет в путь наш корабль. Я надеюсь, что вы нам этот ветер устроите...»⁵³.

Если бы Милюков действительно хотел скорейшего преодоления кризиса, он должен был бы избегать любых высказываний, способных накалить обстановку. Сейчас же он фактически призвал своих сторонников выйти на улицу. Создается впечатление, что и левые и правые в равной мере были заинтересованы в эскалации конфликта. Атмосфера в Петрограде сгущалась. На следующий день, 21 апреля, центральные улицы города вновь были запружены манифестантами. Сторонники и противники правительства перемешались, создавая тем самым взрывоопасную смесь. На Невском у пересечения с Михайловской и Садовой в толпе прозвучали выстрелы. Было ранено, по разным данным, от пяти до семи человек.

Апрельские события в Петрограде привели к первому правительственному кризису. Власть Временного правительства могла рухнуть под напором снизу. Ситуацию спасло пополнение состава кабинета за счет представителей умеренных социалистов — меньшевиков и эсеров. Но одним из обязательных условий с их стороны было устранение Милюкова с поста министра иностранных дел. Ему был предложен портфель министра просвещения, но, оскорбленный в лучших чувствах, Милюков подал в отставку.

Пребывание в министерском кресле стало вершиной политической карьеры Милюкова. Он по-прежнему оставался признанным лидером кадетов, но и сама кадетская партия быстро теряла популярность на фоне прогрессирующей радикализации общества. В массовом восприятии формировался карикатурный облик кадета — буржуя и империалиста. В те дни была популярна следующая частушка:

Глазки черны, ручки белы,
На ногах штиблеты.
Если хочешь Дарданеллы —
Запишись в кадеты.

Страх перед нарастающим хаосом заставил кадетов в августе 1917 г. поддержать неудачное выступление генерала Л. Г. Кор-

нилова. Это еще более подорвало влияние кадетов, отныне прочно записанных в «контрреволюционеры». Несмотря на то, что в партии довольно быстро заметили опасность, исходящую от большевиков, помешать их приходу к власти кадеты не смогли.

Милюков покинул Петроград в самый день большевистского переворота – 25 октября 1917 г. Предчувствие опасности его не подвело. Уже через месяц кадеты были объявлены «партией врагов народа», первыми заработав в свой адрес определение, позже распространенное большевиками на целые социальные группы.

Милюков через Москву выехал в Новочеркасск, где донской атаман А. М. Каледин собирал под свое крыло всех недовольных новой властью. Позже на Дону оказались генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов. Вокруг них стала формироваться Добровольческая армия, малочисленная по составу, но сплоченная ненавистью к большевистскому режиму. Чем-то вроде правительства при армии должен был стать Гражданский совет, куда вошел целый ряд известных политиков. Среди них был и Милюков. Однако в этот раз вернуться в привычную стихию ему не пришлось. В феврале 1918 г. Новочеркасск пал под натиском красных, а Милюков с фальшивыми документами на имя профессора Иванова выехал в Киев.

В столице Украины в это время хозяйничали немцы. Формально они признавали независимость «Украинской державы» во главе с гетманом П. П. Скоропадским, но на деле держали бразды правления в своих руках. В Киеве скопилось великое множество беженцев из Советской России. Среди них были знаменитые литераторы, актеры, журналисты и, конечно, политики. Последние ни о чем другом не думали, как заняться привычным делом. Какое-то время Милюков предпочитал хранить конспирацию, поскольку опасался, что немцы припомнят призывы к войне до победного конца. Но в итоге не выдержал и он. Летом 1918 г. Милюков вел активные переговоры с немцами. Детали этих переговоров, подробно зафиксированные Милюковым в дневнике⁵⁴, производят странное впечатление. Похоже, что долгое пребывание вдали от политической жизни заставило кадетского лидера изменить чувству реальности. Вернувшись наконец в при-

вычную стихию, он ощущал себя главным действующим лицом, призванным в корне изменить все происходящее в России.

Именно этим был продиктован радикальный поворот в политическом курсе Милюкова. Из ревностного сторонника войны с Германией он неожиданно превратился в германофила. Милюков заявил, что верность союзническим обязательствам в условиях, когда власть в столицах захвачена большевиками, является не только ненужным, но и опасным делом. Необходимо немедленно достигнуть соглашения с Германией и, опираясь на силы немцев, свергнуть большевиков. Взамен этого освобожденная от большевиков Россия должна была заключить с Германией договор на основе территориальных уступок в Прибалтике и признания независимости Финляндии и Польши.

Возможно, с точки зрения практической целесообразности позиция Милюкова и имела смысл, но в кругах его единомышленников известие о том, что лидер партии вдруг начал поклоняться тому, что недавно отвергал, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Скорее всего, Милюкову это было не так уж и важно (он привык не слишком считаться с окружающими), но, к его несчастью, избранная им тактика оказалась не слишком хорошо продуманной. После поражения Германии в мировой войне Милюков оказался не только в положении еретика, но, что еще более важно, лжепророка. В политической жизни антибольшевистской России ему уже не было места, и он вынужден был покинуть страну.

3.3. В эмиграции

Милюков поселился в Париже, городе, который он давно и хорошо знал. В скромной квартире на рю Лериш все стены сплошь были заняты книжными полками. Без книг Милюков не представлял свое существование и уже в эмиграции собрал библиотеку более чем в десять тысяч томов. К этому времени ему уже перевалило за 60, но он продолжал очень много работать. В 1921 г. Милюков стал главным редактором русской газеты «Последние новости» и с тех пор бессменно оставался на этом посту почти двадцать лет.

В короткий срок «Последние новости» стали одним из самых влиятельных эмигрантских изданий. Тираж газеты доходил до 10 000 экземпляров, что по эмигрантским меркам было очень много⁵⁵. Газету внимательно читали и в Советском Союзе. По слухам, каждый свежий номер «Последних новостей» немедленно ложился на стол Сталина, для которого эта газета была очень удобным чтением: с одной стороны, вроде иностранная, а с другой – на русском языке⁵⁶.

На страницах «Последних новостей» Милюков ввязался в ожесточенный спор с правым крылом эмиграции. Он заявил, что вооруженная борьба с большевиками обречена на поражение. По его мнению, главной причиной неудачи белых было то, что они не учли последствий революции. Россия уже не может стать такой, какой она когда-то была. Но здоровые силы страны неизбежно возьмут верх. Большевизм помимо своего желания вынужден будет приспособливаться к этому, и рано или поздно все вернется на круги своя. Пусть Россия теперь называется СССР, но под этим псевдонимом неизбежно вырастет новая Россия, наследница тысячелетней истории, только еще более сильная и могучая.

Эту позицию ни в коей мере не надо расценивать как признание большевистского режима. К большевикам Милюков продолжал относиться весьма критично, но он попытался увидеть причины, позволившие им победить в Гражданской войне и удержаться у власти. Однако позиция Милюкова не нашла поддержки у остальных представителей кадетского руководства. Это продемонстрировало совещание членов ЦК, проходившее в Париже в июне 1921 года. Оказавшись на нем в меньшинстве, Милюков фактически пошел на раскол. Его сторонники объявили себя Демократической группой кадетской партии, а в 1924 г. Милюков уже и формально порвал с кадетами. На базе Демократической группы было создано Республиканско-демократическое объединение, куда предполагалось вовлечь сочувствующих и из числа правых меньшевиков и эсеров.

Республиканско-демократическое объединение, вопреки надеждам его создателей, так и осталось крайне незначительной по численности группой. Но что касается самого Милюкова, то это не поколебало его авторитета и популярности. Он по-прежнему

был одной из самых ярких фигур в русской эмиграции. Огромные личные связи в европейских странах и США позволяли ему активно публиковаться, что приносило и деньги и славу. Милюков много лет сотрудничал с «Британской энциклопедией», для которой, помимо прочего, написал большой раздел «Россия».

Основой раздела стал обширный исторический очерк, охватывавший период с древнейших времен до появления на карте Советского Союза. Оказавшись в эмиграции, Милюков неожиданно для себя получил много свободного времени, что позволило ему вернуться к историческим изысканиям. Сразу же после отъезда из России он опубликовал «Историю второй русской революции». Эта книга была написана им еще в Киеве, а позже выпущена в трех частях одним из русских эмигрантских издательств.

Милюков сам был участником многих описываемых им событий и потому некоторые из них излагает по личным воспоминаниям. Но все же это не мемуары, а именно история, как и подчеркнуто в заголовке. В отличие от многих авторов-эмигрантов, Милюков рассматривает революцию не как случайное явление, но как результат сложного комплекса противоречий, не решенных первой революцией и еще более усугубленных ошибками властей. По мнению Милюкова, последним толчком к революции стал отказ царя от формирования правительства, ответственного перед Думой.

Октябрьский переворот для Милюкова – прямое продолжение Февраля, прямое, но не фатально предопределенное. Россия, как он полагал, стояла перед альтернативой, суть которой передает название третьей части книги – «Ленин или Корнилов?». В этой связи надо вспомнить, что «История второй русской революции» писалась, когда исход противостояния красных и белых был еще не ясен. По этой причине Милюков рассматривал приход большевиков к власти не как конечную точку, но лишь как один из этапов революции. В духе распространенных в ту пору аналогий событий в России с Великой французской революцией конца XVIII в. Милюков полагал, что все закончится «Корниловым», то есть русским термидором и автократическим режимом в наполеоновском духе.

Дальнейшее развитие взглядов Милюкова на историю русской революции отражает вышедшая в 1927 г. в Париже двухтомная работа «Россия на переломе». Первый ее том носит заголовок «Происхождение и укрепление большевистской диктатуры», второй – «Антибольшевистское движение». Интересно, что второй том по объему в два раза меньше первого, уже на этом основании можно судить о том, что прежде всего интересовало автора. По мнению Милюкова, поражение белых было вполне закономерно. Главной причиной этого стала четко выраженная природа белого движения, особенно явственно проявившаяся при решении аграрного и национального вопросов. Милюков полагал, что во время Гражданской войны в руководстве белых армий шло постоянное усиление реакционных элементов, результатом чего явилось полное расхождение политической линии белых с настроениями и желаниями основной массы населения страны.

В первом томе Милюков пытается анализировать происхождение и эволюцию большевистского режима. Он полагал, что большевики (во многом помимо своего желания) в конечном счете стали действовать в духе объективных законов экономической и общественной жизни. Это путь от попыток реализации умозрительных коммунистических теорий к возрождению экономики в годы НЭПа и утверждению национальных интересов на международной арене.

В 1929 г. Милюкову исполнялось 70 лет. По этому случаю его друзья и ученики задумали переиздание «Очерков по истории русской культуры». Милюкова эта идея очень увлекла. Он взялся отредактировать текст, но в итоге фактически переписал его. Особенно это заметно на примере первой части. В «юбилейном» издании она почти целиком посвящена предыстории Русского государства: вопросу о расселении славянских племен, а также влиянию природного фактора на процессы формирования восточнославянской общности. В первых изданиях эти сюжеты занимали 30–40 страниц, а теперь разрослись почти до 400.

Очень существенно увеличился и объем второго тома «Очерков», так что выпускать его пришлось в двух книгах. Структурно он сохранил сходство с первоначальным вариантом. Как и ранее, во втором томе речь шла об истории школы, церкви, а также ли-

тературы и искусства. Однако в новом издании Милюков дополнил прежние главы разделами «Церковь во время революции», «Школа на службе политики в СССР», «Литература революции» и т. д. Почти без изменений остался только третий том. Единственное, что здесь было нового, — заголовок. Теперь это был «Национализм и европеизм». Неуклюжее слово «европеизм» (в значении заимствования западных общественных ценностей) показалось Милюкову более точным в контексте содержания книги.

Даже в старости Милюков сохранял удивительную энергию и работоспособность. Он лично редактировал каждый номер «Последних новостей» вплоть до того времени, когда газета вынуждена была прекратить свое издание. Произошло это с началом Второй мировой войны. Как известно, Франция в короткий срок была разгромлена и капитулировала, а немецкие войска вступили в Париж. Накануне многие жители французской столицы бежали из города. Среди них был и Милюков. После нескольких месяцев скитаний он нашел приют в маленьком городке Экс-Ле-Бен в Савойских Альпах.

Милюков был уже тяжело болен, но не прекращал работу. В номере «Международной гостиницы», где он жил, пузырьки с лекарствами соседствовали на столе с рукописью воспоминаний. Забегая вперед, скажем, что воспоминания Милюкова так и не были окончены. Рассказ в них доведен только до лета 1917 года. Но и в этом случае получилось два объемистых тома, впервые увидевшие свет в нью-йоркском книгоиздательстве имени Чехова в 1954 г.

В эти дни с Милюковым часто встречался поэт и писатель А. П. Шполянский (публиковавшийся под псевдонимом Дон Аминадо). Позже он вспоминал, что в комнате Милюкова целая стена была занята огромной картой Европы. «Карта была утыкана разноцветными бумажными флажками, точно определявшими линию русского фронта. — Глядите, наши наступают с двух сторон и продвигаются вперед почти безостановочно... В устах этого старого непримиримого ненавистника большевиков слово — наши — приобретало иной, возвышенный смысл»⁵⁷.

Умер Милюков 31 марта 1943 г. на 85-м году жизни. Позже прах его был перенесен в Париж на кладбище Братиньоль, где и

перезахоронен рядом с могилой его первой жены Анны Сергеевны.

Жизнь Милюкова пришлась на сложный период в истории России. Родился он еще до отмены крепостного права, а умер, когда к зениту своего могущества приближался пришедший на смену империи Советский Союз. Милюков был не просто свидетелем этой исторической драмы, но и активным действующим лицом. Не каждому историку удастся самому принять участие в событиях, о которых позднее будут писать другие. Милюкову судьба такую возможность подарила. Но, будучи политиком, он всегда оставался в такой же мере ученым, что и демонстрирует его научное наследие.

Избранная библиография

1. Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. – М., 2005.
2. Милюков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков. – Т. 1–2. – М., 1990*.
3. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков. – Т. 1–3. – М., 1993–1995.
4. Александров, С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции / С. А. Александров. – М., 1996.
5. Архипов, И. Милюков: интеллектуал и догматик русского либерализма / И. Архипов // Звезда. – 2006. – № 12.
6. Вандалковская, М. Г. П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер: история и политика / М. Г. Вандалковская. – М., 1992.
7. Думова, Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Политический портрет П. Н. Милюкова / Н. Г. Думова. – М., 1993.
8. Нильсен, Е. П. Милюков и Сталин. О политической эволюции П. Н. Милюкова в эмиграции / Е. П. Нильсен // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2.

* Существуют и другие издания этой книги

Примечания

- ¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 54.
- ² Там же. С. 55.
- ³ Там же. С. 76–77.
- ⁴ Там же. С. 81.
- ⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 30. М., 1988. С. 24–25.
- ⁶ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 89.
- ⁷ Там же. С. 104.
- ⁸ Там же. С. 105.
- ⁹ Там же. С. 115.
- ¹⁰ Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная литература. М., 1987. С. 65.
- ¹¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 115.
- ¹² Там же. С. 116.
- ¹³ Там же. С. 107.
- ¹⁴ Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Политический портрет П. Н. Милюкова. М., 1993. С. 67.
- ¹⁵ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 121.
- ¹⁶ Там же. С. 122.
- ¹⁷ Думова Н. Г. Либерал в России. С. 71.
- ¹⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 117.
- ¹⁹ Там же. С. 150.
- ²⁰ Там же. С. 158.
- ²¹ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VII. М., 1991. С. 173.
- ²² Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. IV. М., 1989. С. 191.
- ²³ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 159.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 161.
- ²⁶ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: воспоминания. 1881–1914. М., 1997. С. 121.
- ²⁷ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913. С. 4.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же. С. 224.
- ³⁰ Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892.
- ³¹ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 177.
- ³² Думова Н. Г. Либерал в России. С. 153.
- ³³ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 178.

- ³⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. II. СПб., 1898. С. 399.
- ³⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. III. Вып. 1. 3-е изд. СПб., 1909. С. 33.
- ³⁶ Там же. С. 167.
- ³⁷ Там же. С. 14.
- ³⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 209.
- ³⁹ Там же. С. 215.
- ⁴⁰ Там же. С. 217.
- ⁴¹ Там же. С. 308.
- ⁴² Там же. С. 313.
- ⁴³ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. С. 284.
- ⁴⁴ Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 182.
- ⁴⁵ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. С. 201.
- ⁴⁶ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 163.
- ⁴⁷ Там же. С. 238.
- ⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 629. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
- ⁴⁹ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 489.
- ⁵⁰ Там же. С. 536.
- ⁵¹ Куторга И. Ораторы и массы: риторика и стиль политического поведения в 1917 г. // Независимая газета. 2000. 22 марта.
- ⁵² Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 75.
- ⁵³ Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 312.
- ⁵⁴ Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2005.
- ⁵⁵ Александров С. А. Лидер российских кадетов П. Н. Милюков в эмиграции. М., 1996. С. 67.
- ⁵⁶ См.: Нильсен Е. П. Милюков и Сталин. О политической эволюции П. Н. Милюкова в эмиграции//Новая и новейшая история. 1991. № 2.
- ⁵⁷ Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 294.

Оглавление

Лекция 1. Формирование научных взглядов	
П. Н. Милюкова	3
1.1. Детство и юность	3
1.2. Университет	9
1.3. На старших курсах	13
Лекция 2. Основные исторические труды	
П. Н. Милюкова	19
2.1. Диссертация	19
2.2. В годы преподавательской деятельности.....	25
2.3. «Очерки по истории русской культуры».....	30
Лекция 3. Политическая деятельность	
П. Н. Милюкова	39
3.1. Депутат Государственной думы	39
3.2. В составе Временного правительства.....	46
3.3. В эмиграции	54
Избранная библиография	59

Учебное издание

Федюк Владимир Павлович

**П. Н. Милюков
и русская историография
начала XX века**

Текст лекций

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка Е. Л. Шелехова

Подписано в печать 24.09.10. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура "Times New Roman".
Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 3,0.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе Ярославского
государственного университета им. П. Г. Демидова.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

ISBN 978-5-8397-0763-4

В. П. Федюк

**П. Н. Миллюков
и русская историография
начала XX века**

